

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

На годъ 8 р.
» 9 мѣсяцевъ 6 »
» 6 » 5 »
» 3 » 3 »

за Границею

На годъ 10 »

Съ приложеніями:

Въ Россіи на годъ 10 »

» на полгода 6 »

За границей на годъ 14 »

Приложенія одни въ годъ—5 р.

Отдѣльн. номера газеты по 20 к.

Объявленія печатаются по 15 к.

за строку на послѣдней страницѣ

и по 30 коп. на первой.

За перемѣну адреса: внѣгор. на

гор. 20 к., гор. на внѣгор. 50 к.

Статьи и требованія адресуются въ ред.
СПБ. Кавалергардская ул., д. 20, кв. 3.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—СПБ.
Кавалергардская ул., д. 20, кв. 3, а
также въ книж. маг., Вол-
фа, Нев., Гостин. дв. № 18.
Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь».

Въ Омскѣ—въ книжн. ма-
газинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ: По поводу убійствъ и грабежей въ Приамурскомъ краѣ.—Хроника.—Переселенческое движеніе.—Корреспонденціи: изъ Перми, села Краснорѣченскаго, Маринска и Нерчинска.—Убійство сотника Кузьмина-Короваева.—Вѣглый сахалинецъ. (Интересный преступникъ).—Путешествіе итальянца Сомье по Сибири. П. М. Головачева.—Подъ родной кровлей. (Изъ записокъ сибирскаго скитальца). Илл. Амурскаго.—Хроника жизни за педѣлю.—Объявленія.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ СИБИРИ.

П. А. СЛОВЦОВА

Печатаніемъ окончено и надняхъ поступить въ продажу.

Цѣна 3 рубля. На пересылку слѣдуетъ прилагать за
3 ф. по разстоянію *).

*) Въ прежнемъ объявленіи по ошибкѣ былъ означенъ
вѣсь вмѣсто 3 ф.—въ 2 ф.

ПО ПОВОДУ УБИЙСТВЪ И ГРАБЕЖЕЙ ВЪ ПРИАМУРСКОМЪ КРАѢ.

Нашъ владивостокскій корреспондентъ сообщаетъ печальную дѣлошисъ еще объ одномъ кровавомъ дѣлѣ на нашемъ дальнемъ Востокѣ. Убійство сотника Короваева и наша неудача въ массѣ другихъ подобныхъ случаевъ заставляютъ насъ вновь указать на ошибочную политику мѣстной администраціи. За исключеніемъ Приамурскаго края, нигдѣ, въ средне-азиатскихъ степяхъ, среди настоящихъ кочевниковъ и хищниковъ, не замѣчается такого несправедливаго и легкомысленнаго отношенія къ населенію, хотя бы оно въ десять разъ наносило болѣе вреда, нежели манзы, и было въ сто разъ бесполезнѣе послѣднихъ. Въ Приамурскомъ краѣ манзамъ ни за что не желаютъ дать правъ гражданства, а, напротивъ, въ принципѣ и на практикѣ, всѣми мѣрами стараются стѣснить ихъ, выселить и обособить. Къ несчастью, этотъ молодой край не имѣетъ еще своей исторіи, но довольствуется пока хроникой, беспорядочной и въ большинствѣ случаевъ устной. Но если бы только систематизировать эти отдѣльные, повидимому, ничего не стоющіе факты, то, мы увѣрены, получилась бы въ высшей степени поучительная исторія, вачинающаяся близорукостью мѣстныхъ дѣятелей и кончающаяся грабежами и убійствами, за которые призываются громы небесныя на недающихся въ руки преступниковъ. Пусть только кто нибудь возьметъ на себя трудъ безпристрастно и внимательно прослѣдить за тѣмъ, какъ поставлено тамъ манзовское, корейское, да и русское населеніе, и иллюстрировать

все это тѣми кровавыми эпизодами, большинства которыхъ не знаетъ печать или съ которыми она знакома только вскользь и отрывочно,—и станетъ ясна, какъ Божій день, наша колонизаторская халатность и рабское заимствование чужихъ мыслей, безъ малѣйшей критической оцѣнки ихъ, безъ желанія смотрѣть на дѣло собственными глазами, какъ это замѣчается все время по отношенію къ манзовскому вопросу.

Мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи достаточно фактовъ, чтобы выполнить подобную работу, но то, что до сихъ поръ было извѣстно, позволяетъ высказать хоть слѣдующее замѣчаніе. Если въ убійствѣ сотника Короваева виновны дѣйствительно мѣстные манзы или бѣглые китайскіе солдаты, — въ пользу чего, несомнѣнно, больше всего и говорятъ собранные факты, — то безъ содѣйствія китайскихъ властей, прямо или косвенно, а также безъ содѣйствія самого манзовскаго населенія, едва ли удастся найти виновныхъ и „вырвать съ корнемъ вонъ дальнѣйшее развитіе разбоевъ пришлыхъ хунгузовъ“, какъ это съ жаромъ проповѣдуетъ мѣстная газета „Владивостокъ“. „Поиски убійць, — говоритъ она, — должны быть самыя энергичныя и въ то же время съ осторожностью, чтобы обнаружались какъ дѣйствительные убійцы, такъ и укрыватели“. Она же заявляетъ, что самыми дѣятельными и полезными помощниками въ этомъ дѣлѣ должны быть начальники пограничныхъ постовъ, на обязанность которыхъ возложено зоркій присмотръ за проходящими манзами, и правильная паспортная система, поддерживаемая строгимъ надзоромъ. Но, во-первыхъ, такихъ постовъ: разъ, два, три,—и обчелся. Во-вторыхъ, если на нихъ, какъ на Мангугайскомъ, всего пятнадцать человекъ казаковъ и ни одного переводчика, то, какъ ни слѣди они „зорко“, манзы, вѣстаки, будутъ, если нужно, проходить толпами, и самыя отъявленные головорѣзы будутъ являться смѣло съ визированными фальшивыми и чужими билетами. Въ-третьихъ, военная власть, по крайней мѣрѣ, въ данномъ краѣ, первѣйшій врагъ всякой гражданской и, благодаря только этому, полиція не разъ терпѣла фіаско въ дѣлахъ, гдѣ замѣшаны солдаты. Ну, а, въ-четвертыхъ, какъ въ чистомъ полѣ трудно узнать направленіе вѣтра безъ флюгера, такъ точно, какъ извѣстно, и между манзами трудно отыскать отдѣльнаго, особаго манзу, который отличался бы отъ всякаго другаго такого же манзы болѣе, чѣмъ одна обезьяна отличается отъ другой. Ужъ если владивостокская полиція считаетъ себя бессильною въ этомъ отношеніи, то что же сказать о слѣдователѣ, котораго выпускаютъ на дѣло почти съ пустыми руками и который совершенно

теряется среди пустыни или же приходитъ въ неменьшее недоумѣніе среди массы манзовскихъ лицъ, безъ всякой почти индивидуальной особенности?

При такихъ средствахъ, при такомъ безсиліи, мы, безъ помощи китайцевъ, всегда будемъ только метаться съ завязанными глазами, хватать первыхъ встрѣчныхъ манзъ, уничтожать „подозрительныя“ фанзы и съ самымъ серьезнымъ видомъ ловить безбилетныхъ, а неуловимые хунгузы, между тѣмъ, такъ и будутъ оставаться неуловимыми. Какъ рѣдкій звѣрь, насъ интересуешь не столько настоящій хунгузъ, сколько тотъ человѣкъ, который видѣлъ его, или, какъ говорятъ набожныя старушки, который „сподобился“ видѣть его. Пора же, наконецъ, взглянуть на дѣло болѣе сознательно и сообразить, что понятіе „хунгузъ“, какъ оно распространено въ массѣ, есть простой перифразъ фактическаго безсилія нашей судебной-полицейской власти, съ одной стороны, и что съ другой — подъ нимъ сплошь и рядомъ скрывается только отраженіе той политики и поведенія, какія мы приняли въ отношеніи манзовскаго населенія, съ первыхъ дней занятія края. Какъ ни печальны такія явленія, какъ грабежи и убійства, они составляютъ лишь неизбѣжное зло, отъ котораго, при данныхъ условіяхъ, не свободно ни одно общество, въ особенности такое неустроенное, какъ въ Примурскомъ краѣ. Затемняя дѣйствительный смыслъ и происхожденіе такихъ преступленій, чуть только въ нихъ замѣшаны манзы, а это обыкновенно и практикуется, потому что въ преступникѣ ищутъ не отдѣльную личность, но, такъ сказать, переносятъ его проступокъ на манзъ вообще, въ силу установившагося почему-то къ нимъ недоуверія, — мы сами заставляемъ китайцевъ сторониться отъ насъ, а чрезъ это вѣчно оказываемся съ пустыми руками или же захватываемъ такую кучу ихъ, что между ними дѣйствительно не оказывается ни одного виновнаго. Конечно, часть мы выпускаемъ на волю, а часть, высланная за границу за безбилетность, возвращается сама, но тѣ и другіе возвращаются домой уже не съ тѣми чувствами, съ какими они были забраны передъ этимъ. Каждый изъ нихъ ясно и наглядно убѣждается въ слабости нашей власти, въ легкости обмануть ее и, въ случаѣ вины, безнаказанно ускользнуть отъ возмездія, а чрезъ это солидарность между манзами еще болѣе усиливается, съ одной стороны, въ ожиданіи товарищеской помощи въ случаѣ нужды, а съ другой вслѣдствіе боязни мести со стороны виновныхъ, если бы кто рискнулъ ихъ выдать, потому что каждый испыталъ на себѣ легкость вывернуться изъ всякаго дѣла, если только не схваченъ съ поличнымъ. Бывало, что и эти послѣдніе оказывались здоровы и невредимы, только съ нѣсколькими пообоцавшимъ карманомъ. Вѣдь неособенно еще давно и русскій мужикъ боялся суда, какъ огня, и ради этого молчалъ или прибѣгалъ къ своей расправѣ; что же удивительнаго, если манзы, испытавъ непрочность надежды на русскіе законы, судъ и расправу, упорно стараются молчать и пахотать свои китайскіе порядки несравненно лучшими?

Но это только одна сторона дѣла; другая будетъ, пожалуй, хуже. Вѣдь, нельзя же отрицать, что между захваченной толпою нѣтъ ни одного человѣка, которому пинки и катажка не покажутся обидными и незаслуженными; вѣроятно, между ними встрѣтятся еще болѣе людей, живущихъ дневнымъ заработкомъ или схваченныхъ въ самое горячее время промысла. Такимъ людямъ, по выпускѣ на волю или по совершеніи путешествія въ Китай по этапу и затѣмъ обратно въ нашъ край съ „законнымъ“ билетомъ, легко можетъ показаться, что они напрасно голодали, что, кромѣ частныхъ заработковъ, есть другіе болѣе легкіе и далеко не рискованные. Это уже первый толчекъ на большую дорогу, и если только человѣкъ въ этотъ моментъ почувствуетъ приступъ голода, если онъ вспомнитъ, что его фанзу сожгли, его промыселъ уничтожили, что онъ изъ хозяина сталъ ни съ того, ни съ сего нищимъ, то онъ не задумается взяться и за ножъ, а ужъ во всякомъ случаѣ къ намъ особенной симпатіи имѣть не будетъ. Конечно, это не главная причина

грабежей и разбоевъ, но за то она никоимъ образомъ и не лѣкарство противъ нихъ, хотя, понятно, въ единичныхъ случаяхъ, иногда не можетъ оправдаться. Напротивъ, подобнымъ отношеніемъ къ манзовскому населенію мы сами какъ бы нарочно наталкиваемъ его на то, отъ чего такъ усиленно стараемся оградиться и, норовя поймать одного преступника, сами же подготовляемъ, можетъ быть, десять новыхъ. Тѣ натравливанія и предсказанія, что манзовскій вопросъ придется рубить, какъ гордіевъ узелъ, ударомъ меча, который оттачиваетъ газета „Владивостокъ“, показываютъ только, что эта газета рѣшительно не понимаетъ дѣйствительныхъ мотивовъ и причинъ, по которымъ вопросъ этотъ „со дня на день становится гордіевымъ узломъ“, а также нисколько не сознаетъ, откуда можетъ произойти между русской и китайской народностями „открытый антагонизмъ“, о которомъ она заявляетъ (хотя, въ дѣйствительности, въ массѣ, по крайней мѣрѣ, со стороны китайцевъ, его вовсе еще не замѣчается) и который раньше, въ 60-хъ годахъ, по свидѣтельству первыхъ путешественниковъ, замѣнялся крайнимъ расположеніемъ китайскаго элемента къ русскому. „Открытый геморрой“ при мирной, сидячей жизни мы еще понимаемъ; но, чтобы, при подобныхъ же обстоятельствахъ, изъ пріязни возникъ „открытый антагонизмъ“, — это совсѣмъ непонятно. Должна быть какая нибудь внутренняя порча, потому что манзы, также какъ и мы, созданы, всетаки, по образу и подобию Божію.

Словомъ, до тѣхъ поръ мы будемъ въ беспомощномъ положеніи, до тѣхъ поръ будемъ гоняться за невидимками-хунгузами, пока не сознаемъ, наконецъ, что какъ всякая другая нація не является отвѣтственной за проступокъ отдѣльной личности, такъ точно и все манзовское населеніе не должно стоять въ положеніи паріевъ, не должно нести прямо или косвенно стѣсненія или кару за вину своихъ отдѣльныхъ представителей. Между тѣмъ, у насъ только одни китайцы почему-то выдѣлены въ этомъ отношеніи и все совершаемое ими, относящееся до нихъ, въ глазахъ общества принимаетъ какой-то своеобразный оттѣнокъ, причемъ каждый наиболѣе разумною мѣрою по отношенію къ нимъ считаетъ одни стѣсненія. Идея поголовнаго выселенія манзъ, рекомендуемая газетой „Владивостокъ“, грандіозна и послѣ выселенія 30,000 поляковъ изъ Пруссіи пріобрѣтаетъ популярность, но почтенные мыслители только забываютъ, что нѣмцы имѣютъ въ своемъ распоряженіи миллионъ штыковъ, чтобы поддержать свою идею и ея „право“, а если это начнутъ практиковать въ Южно-Уссурийскомъ краѣ, то пока будетъ какъ будто не ладно. Что же касается легкихъ экскурсій, въ видѣ уничтоженія отдѣльныхъ звѣровыхъ фанзъ, то это напоминаетъ болѣе раззореніе воронихъ гнѣздъ, потому что при слабости надзора такія фанзы появляются снова на томъ же мѣстѣ (какъ на Сучанѣ) или возникаютъ въ другомъ. Для насъ — это безцѣльное толченіе воды въ ступѣ; для манзовскаго же населенія — временное раззореніе, голодовка и озлобленіе. Каковы будутъ итоги и въ какую форму завяжется гордіевъ узелъ, — посмотримъ, но что его, при подобной политикѣ, дѣйствительно придется рубить мечемъ, — это, кажется, ни въ комъ не возбудитъ сомнѣнія.

ХРОНИКА.

Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ: ввести военно-судебный уставъ въ дѣйствіе въ войскахъ Туркестанскаго военнаго округа съ 1-го октября 1886 года.

«Московскія Вѣдомости» передаютъ, что, въ видахъ распространенія просвѣщенія на далекихъ окраинахъ нашихъ, генералъ-губернаторомъ Примурскаго края барономъ Корфомъ возбуждено ходатайство объ образованіи особаго Примурскаго учебнаго округа, выдѣленнаго изъ обширнаго Восточно-Сибирскаго.

Православное палестинское Общество отослало въ Японію 19,000 р., пожертвованныхъ для постройки православной церкви въ Токио. (Нов. Вр.).

Въ «Сибирскую Газету» пишутъ изъ Иркутска, что графъ Игнатьевъ на пути своемъ въ Якутскую область, давно не видавшую высшихъ представителей власти, вездѣ производилъ на населеніе самое благоприятное впечатлѣніе простотой обращенія и крайней внимательностію къ просьбамъ. Въ одномъ мѣстѣ священникъ въ проповѣди своей сравнилъ его съ Сперанскимъ. Въ Иркутскѣ упорно держится слухъ, что Восточно-Сибирское генераль-губернаторство скоро упразднится, и графъ Игнатьевъ уже не вернется въ Иркутскъ изъ Петербурга, куда онъ отправится осенью. Мы смѣемъ заявить, что настоящій слухъ едва ли заслуживаетъ полнаго довѣрія.

Уволенъ отъ службы по прошенію областной врачъ Приморской области, дѣйствительный статскій совѣтникъ Жолкеревичъ, съ мундиромъ.

Всѣхъ суммъ Сибирскаго университета, изъ процентовъ которыхъ будутъ выдаваться стипендіи, какъ сообщаютъ «Русскимъ Вѣдомостямъ», скопилось теперь до 80 тыс. руб. Всѣхъ стипендій изъ этого капитала, которыя будутъ называться «стипендіями Императора Александра II», предположено образовать 15, по 300 руб. въ годъ каждая.

Горнымъ инженеромъ Мушкетовымъ найдены въ 30 верстахъ отъ Аму-Дарьи и въ 32 отъ Ширъ-Абада выходы нефти на удобной и ровной мѣстности.

Тобольскій губернскій статистическій комитетъ увѣдомилъ уральское Общество любителей естествознанія, что онъ находитъ возможнымъ препроводить на выставку въ городъ Екатеринбургъ представителей обоого пола изъ племенъ: самоѣдскаго, остяцкаго, татарскаго, вогульскаго и бухарскаго, съ принадлежностями ихъ быта, одежды, обуви, рыболовныхъ и звѣроловныхъ снарядовъ и частію посуды, если выставка будетъ открыта не ранѣе іюня; по его мнѣнію, путешествіе и продовольствіе во время передняго и обратнаго пути отъ Тобольска до Екатеринбурга должно обойдтись приблизительно не дороже 10 руб. съ человѣка, а содержаніе каждаго изъ инородцевъ втеченіе мѣсяца въ городѣ Екатеринбургѣ не болѣе 15 руб. Если Общество любителей естествознанія откажется принять на свой счетъ дорожныя издержки по отправкѣ въ городъ Екатеринбургъ инородцевъ, то фотографическія карточки, а равно и предметы, входящіе въ составъ ихъ обывденнаго быта, могутъ быть сняты однимъ изъ тобольскихъ фотографовъ на мѣстѣ ихъ жительства. Трудъ этотъ, съ проѣздомъ фотографа и пересылкою снятыхъ имъ карточекъ, будетъ стоить приблизительно отъ 100 до 120 р.

Изъ напечатаннаго въ № 7 и 8 «Изв. Ирк. Гор. Думы» отчета о состояніи ремесленно-воспитательнаго заведенія почетнаго гражданина Н. П. Трапезникова за 1884—1885 годъ видно: въ заведеніи числятся воспитанниковъ—81, въ возрастѣ 9—17 лѣтъ. Всѣ они православнаго вѣроисповѣданія и по званіямъ распредѣляются такъ: мѣщанъ и цеховыхъ—57, крестьянъ—10, офицерскихъ дѣтей—1, солдатскихъ и казачьихъ—10 и поселцевъ—3. Учебно-воспитательный персоналъ состоитъ изъ смотрителя, законоучителя, 4-хъ преподавателей, учителя рисованія и учителя пѣнія; кромѣ того, при школѣ состоятъ 4 дядьки. Въ заведеніи существуетъ 3 мастерскихъ (сапожная, столярная и токарная). На школу отпускается около 22 тысячъ рублей.

23 іюля 1886 года въ городѣ Бійскѣ открыта И. Д. Ребровымъ типографія. Разосланный ею образчикъ работъ, для типографіи малелькаго городка, по словамъ «Сибирской Газеты», довольно удовлетворителенъ.

Въ томской повивальной школѣ, по свѣдѣніямъ «Сибирской Газеты», имѣется всего шесть вакансій казенно-коштныхъ (пріемъ своекоштныхъ неограниченъ). Какъ слышно, занятія прошлаго учебнаго года убѣждаютъ, между прочимъ, въ томъ, что крестьянскія дѣвушки, поступающія прямо изъ деревни, какъ по прилежанію, такъ и по способностямъ, являются лучшими воспитанницами.

И. М. Сибиряковъ пожертвовалъ Обществу попеченія о начальномъ образованіи въ г. Енисейскѣ прекрасный волшебный фонарь съ приложеніемъ множества хорошо подобранныхъ картинъ. По полученіи фонаря, предполагалось устроить постоянныя народныя чтенія, но осуществить это полезное дѣло оказалось невозможнымъ, потому что народныя чтенія съ туманными картинами разрѣшены лишь въ губернскихъ городахъ и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ директоровъ гимназій. Въ виду этого, упомянутымъ Обществомъ возбуждено ходатайство о разрѣшеніи народныхъ чтеній въ Енисейскѣ, опираясь на то, главнымъ образомъ, что въ этомъ городѣ существуетъ мужская прогимназія во главѣ съ директоромъ. Корреспондентъ «Сибирской Газеты» думаетъ, что ходатайство Общества будетъ уважено; въ свою очередь, и мы думаемъ, что едва ли есть какое либо основаніе къ отказу.

Съ нижегородской ярмарки пишутъ «Новостямъ», что «Азія» на ярмаркѣ дѣлаетъ дѣла и останется въ большихъ барышахъ. «Азія» занимаетъ въ Нижнемъ цѣлый городокъ. Персія, Бухара, Хива и Ташкентъ имѣютъ особые ряды съ массою лавокъ и торгуютъ особнякомъ; приказчики всѣ исключительно туземцы. Общая сумма персидскихъ товаровъ свыше двухъ и, можетъ быть, достигнетъ трехъ милліоновъ рублей; особенно хорошо торгуютъ они мерлушкой, лисицей, куницей и хлопкомъ. За Персіей идутъ бухарцы, хивинцы и ташкентцы; общая сумма ихъ товаровъ доходитъ до 4.000,000 р., главнымъ образомъ, хлопковъ, затѣмъ бумажная пряжа, мерлушка, шелкъ, халаты, одѣяла, кожи (овецья, волчья, лисья) и т. д. Число азіатовъ-торговцевъ на ярмаркѣ возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Чайную торговлю на ярмаркѣ сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ фирмы: Губкинъ, Вогау и К°, Эльянопъ, Расторгуевъ, братья Боткины и Сергѣевъ съ Романовымъ. Ими привезено кяхтинскихъ чаевъ до 15,000 ящиковъ, кантонскихъ—до 32,000 и кирпичнаго—до 22,000 ящиковъ. Послѣдняго оказывается мало, такъ какъ на него большой спросъ, благодаря дешевизнѣ, хорошему качеству и удобству упаковки.

Въ Томскѣ лѣтомъ съѣхались всѣ наслѣдники умершаго недавно Ѳ. Толкачева, для полученія оставленнаго имъ по завѣщанію огромнаго наслѣдства. «Сибирская Газета» слышала, что Толкачевы, по окончаніи раздѣла, намѣрены тотчасъ уѣхать изъ Томска, но, покидая Сибирь и городъ, гдѣ отцомъ, самымъ старѣйшимъ мѣстнымъ гражданиномъ, нажито все это милліонное состояніе, они не хотятъ уѣхать, не сдѣлавъ добраго дѣла и не оставивъ по себѣ благодарной памяти у томичей. Доброе дѣло, говорятъ, будетъ заключаться въ пожертвованіи на мѣстную лѣчебницу. Это учрежденіе, сразу завоевавшее себѣ прекрасную репутацію и, въ свою очередь, каждый день осаждаемое и осаждаемое чуть не сотней больныхъ, крайне нуждается въ собственномъ, болѣе удобномъ, помѣщеніи и въ необходимыхъ приспособленіяхъ, израсходовать на которыя 15—20 тысячъ городъ пока не можетъ. Если справедливъ этотъ слухъ, то онъ лишь закрѣпляетъ ту репутацію за нѣкоторыми изъ дѣтей Ѳ. Толкачева, какою они пользовались среди лучшихъ людей Томска.

Изъ Владивостока въ «Сибирь» пишутъ: «На минувшей недѣлѣ пришли два парусныхъ судна изъ Кронштадта съ мукой для морскаго интендантскаго вѣдомства. Велѣдствіе плохой вентилляціи, въ мукѣ обнаруженъ въ громадномъ количествѣ червь и хлѣбный жукъ. Все же часть этой муки получена и принята въ Посетѣ; здѣсь же еще думаютъ назначить особую комиссію».

Изъ Нерчинска, отъ 18-го іюля, телеграфируютъ въ газету «Сибирь»: «Около мѣсяца дожди; хлѣба, овощи и травы поправляются. Пароходы доставляютъ грузы. Промывка золота удолетворительна».

Въ «Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» помѣщается отчетъ о Забайкальской миссіи, въ которомъ по отношенію къ нежеланію креститься, принадлежащимъ къ богатымъ и знатымъ инородцамъ, помѣщены слѣдующія достойныя замѣчанія слова: «На такихъ людей можетъ подѣйствовать только власть, ибо кроткія убѣжденія не трогаютъ чувственнаго сердца».

Такъ ли училъ Христосъ?

«Сиб. Газетѣ» сообщаютъ, что 28-го іюля двое арестантовъ, посланныхъ смотрителемъ пересыльнаго замка для сѣнокосенія (?), съ покоса бѣжали.

Изъ Витима въ «Сибирь» пишутъ: «Здѣсь еще въ маѣ мѣсяцѣ отстроили громадный домъ и въ немъ открыты номера для прискателей, прибывающихъ сюда съ присковъ съ туго набитыми карманами; для бѣднаго же люда въ особомъ помѣщеніи открыта продажа вина, питей распивочно и на выносъ, гдѣ онъ и пропиваетъ послѣдній грошъ, добытый кровавымъ потомъ, распѣвая самыя похабныя пѣсни; если же у такого несчастнаго остаются еще кое-какія деньги, то онъ безъ дальнихъ околичностей вынимаются изъ кармановъ, а самъ онъ выталкивается на крыльцо, а затѣмъ при первомъ толчекѣ слѣдуетъ дальше и падаетъ на улицу или на взвозъ, смотря по тому, въ которую сторону направятъ толчекъ. Такой несчастный, получившій толчекъ и разбившійся при паденіи по ступенямъ крыльца, остается чуть живымъ и не можетъ пошевелиться, но, тѣмъ не менѣе, забирается обходными въ волость, гдѣ въ кутузкѣ съ громаднымъ количествомъ клоповъ содержится нѣсколько дней сразу подъ видомъ отрезвленія, затѣмъ употребляется на общественныя работы при волостномъ правленіи, какъ-то: для очистки сортировъ, метенія улицъ, очищенія канавъ, взвозовъ и т. п., не получая все это время кормовыхъ и никакой пищи, кромѣ даровой ленской воды; потомъ же отбирается отъ него паспортъ, вмѣсто котораго даютъ ему путевой видъ для слѣдованія въ мѣсто причисленія, и неволью дѣлается такой человѣкъ пролетаріемъ, способнымъ на всевозможныя преступленія, потому что онъ раздѣтъ и голоденъ, какъ волкъ».

Въ одной старинной книгѣ въ предохраниеніе рогатаго скота отъ заразы рекомендуется слѣдующее: «Въ лѣтнее время готовить надобно всѣмъ извѣстной травы—лошадиный щавель, вырывая только растущій однокольцемъ, а не кустомъ, весь стебель съ листьями и корнемъ. Въ сентябрѣ же мѣсяцѣ набрать дубоваго листа, который еще зеленъ, хотя бы онъ былъ и на землю упавшій, онъ высуша въ застѣни, истолочь въ порошокъ и, смѣшавъ по равной мѣрѣ, хранить до несчастнаго случая на скотъ. Тогда взявъ сего порошка для каждой скотины по горсти, насыпать на печеный хлѣбъ и, смявъ онъ, давать въ день по два раза по особливому такому приему». (Эконом. Магаз., ч. III, Москва, 1787).

Въ Маринскомъ округѣ, по рѣкѣ Большой Тюнаюль, недавно открыты золотосодержація мѣстности.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ.

Съ 25-го іюля по 1-е августа, по свѣдѣніямъ «Сибирской Газеты», черезъ Томскъ прослѣдовали 3 партіи. 25-го прошла партія въ 4 семьи: 2 семьи (9 душъ) Вятской губерніи Слободскаго уѣзда направились въ Читу и 2 семьи (12 душъ) Кіевской губерніи Уманскаго уѣзда—въ Канскій округъ Енисейской губерніи. Того же 25-го на пароходѣ Корнилова «Михаилъ» прибыла партія въ 2 семьи (12 душъ), направляющаяся изъ Астраханской губерніи Царевскаго уѣзда—въ Благовѣщенскъ, и 1 ходокъ Пермской губерніи Осинскаго уѣзда, розыскивающей

въ Томскомъ округѣ «мѣста». 28-го на пароходѣ «Бѣленченко» пришла партія въ 4 семьи (23 души). Идутъ изъ Пермской губерніи Шадринскаго уѣзда въ Кузнецкій округъ. Больныхъ въ этихъ партіяхъ не было.

Караваны переселенцевъ, сначала лѣта двигающіеся черезъ Омскъ то внутрь Сибири, то обратно, какъ пишутъ «Сиб. Газетѣ» изъ Омска, обратили на себя вниманіе... И въ самомъ дѣлѣ картина яркая. Вотъ возвращается партія переселенцевъ голодныхъ, оборванныхъ, съ большими дѣтьми. «Откуда вы? Въ отвѣтъ, большею частью, услышишь: «изъ Бейска». «Но отчего жъ вы идете назадъ и куда?» На первую часть вопроса отвѣтъ въ большинствѣ случаевъ стереотипный: мѣстовъ не нашли, въ землѣ стало стѣсненіе, неурожай, нѣтъ заработковъ. На вторую же часть вопроса—«куда», отвѣты бываютъ разные: одни просто говорятъ «въ Россію идемъ», другіе же, не теряя надежды поселиться въ Сибири, называютъ какое нибудь мѣсто: Петропавловскъ, Кокчетавъ и др. Слишкомъ убогой видъ отвѣчающихъ не позволяетъ усомниться въ правдивости ихъ отвѣтовъ, тѣмъ не менѣе развѣ возможно согласиться съ такой колоссальной безмыслицей что въ Сибири нѣтъ мѣствъ, т. е. нѣтъ свободной для поселенія земли. Наконецъ, развѣ не нелѣпнѣе, что люди тащатся тысячи верстъ туда, гдѣ имъ не позволяютъ поселиться (въ Акмолинской области запрещаютъ селиться русскимъ переселенцамъ), тогда какъ возлѣ той самой дороги, по которой они идутъ, немало есть прекраснѣйшихъ мѣствъ, предназначенныхъ для поселенія. Что же это за заколдованный кругъ недоразумѣній и нескладицы!?

Послѣ громаднаго количества переселенцевъ, проѣхавшихъ черезъ Пермь въ навигацію 1883 года и достигшихъ, по свѣдѣніямъ мѣстной полиціи, цифры слишкомъ 13 тысячъ человѣкъ обоаго пола и всѣхъ возрастовъ,—теперь, по словамъ пермскаго корреспондента «Волжскаго Вѣстника», количество проѣзжающихъ переселенцевъ значительно уменьшилось. Причинами этого явленія служатъ, главнымъ образомъ, вѣроятно, слѣдующія обстоятельства: 1) неурожай въ Сибири въ 1883 году и средней урожай въ 1884 году; 2) болѣе благопріятно обставленный путь въ Сибирь черезъ другіе пункты переселенческаго движенія, нежели черезъ Пермь, какъ, напримѣръ, черезъ Сызрань, и 3) значительное движеніе ихъ черезъ Пермь на лошадяхъ *) съ самаго мѣста родины, что даетъ имъ возможность вести съ собой весь наиболѣе необходимый въ хозяйствѣ скарбъ, провозъ котораго по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ, при частыхъ перегрузкахъ, невозможенъ по своей дороговизнѣ. Впрочемъ, съ 1884 года число переселенцевъ черезъ Пермь, по свѣдѣніямъ Уральской дороги, ежегодно возрастаетъ. Сообщаемъ свѣдѣнія о переселенцахъ, проѣхавшихъ въ первую половину навигаціи текущаго года. По мѣсяцамъ число это распадается слѣдующимъ образомъ:

	Взрослыхъ.	Дѣтей до 10 лѣтъ.	Всего.
За 4 послѣднихъ дня въ апрѣлѣ	43 ч.	20 ч.	63 ч.
Въ маѣ мѣсяцѣ	1,549 »	978 »	2,527 »
Въ іюнѣ	1,146 »	762 »	1,908 »
Въ іюлѣ до 20-го числа	617 »	374 »	991 »
	3,355 »	2,134 »	5,489 »

Изъ этой таблички видно, что первый мѣсяцъ навигаціи, какъ это было и въ прежніе годы, есть главный мѣсяцъ переселенческаго движенія, хотя въ текущемъ году разниця между мѣсяцами въ этомъ отношеніи далеко меньше, чѣмъ за всѣ предыдущіе годы. Объясняется это явленіе тѣмъ, что переселенцы стараются пріѣхать на мѣсто поселенія, въ большинствѣ случаевъ, въ Томскую губернію, къ началу осеннихъ полевыхъ работъ и, такимъ образомъ, отчасти поправить свои разстроенныя долги и труднымъ путешествіемъ финансы осенними заработками, а главнымъ образомъ—успѣть посѣять озимое и приготовиться ко встрѣчѣ зимы не подъ открытымъ небомъ. («Волж. Вѣст.»).

*) Проѣзжающіе на лошадяхъ не попадаютъ ни въ свѣдѣнія полицейскія, ни въ желѣзнодорожныя.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Пермь (корресп. „Восточн. Обзор.“). Читателямъ „Восточнаго Обозрѣнія“ уже извѣстно, что въ концѣ іюля посѣтилъ Пермь г. министръ путей сообщенія, осматривавшій на пути въ Тобольскъ и обратно Уральскую желѣзную дорогу и открывшій постоянное движеніе по вновь выстроенной Екатеринбургско-Тюменской желѣзной дорогѣ. На переднемъ пути министръ осматривалъ пермскій вокзалъ и наружное, такъ сказать, состояніе линіи и много разспрашивалъ о положеніи дѣлъ управляющаго дорогой и правительственнаго инспектора на ней. По пріѣздѣ въ Екатеринбургъ, г. министръ выразилъ управляющему дорогой свое довольство внѣшнимъ видомъ дороги, хорошимъ состояніемъ ея подвижнаго состава и солидарной и исправной работой служащихъ дороги, и отправился для осмотра Тюменской дороги. 27-го іюля въ Камышловѣ состоялось торжество открытія этой дороги. Послѣ подробнаго осмотра Тюменской дороги г. министръ высказалъ свое недовольство состояніемъ постройки ея, но одобрилъ состояніе подвижнаго состава и предложилъ на будущее время брать въ образецъ для подвижнаго состава таковой же Уральской дороги, какъ и вообще стараться поставить новую дорогу въ такую же исправность, въ какой находится послѣдняя. На обратномъ пути изъ Тобольска, куда съѣздила г. министръ изъ Тюмени, онъ подробно уже занялся разсмотрѣніемъ постановки дѣла на Уральской дорогѣ и устройства ея сооружений, проѣхавъ изъ Екатеринбурга по главной линіи до ст. Чусовой, а отсюда по Луньевской линіи до конца ея при ст. Вереде, или, вѣрнѣе, при Березняковскомъ содовомъ заводѣ Ив. Ив. Любимова. Этотъ вторичный осмотръ окончательно убѣдилъ г. министра въ хорошемъ состояніи дороги во всѣхъ отношеніяхъ, что онъ и высказалъ сопровождавшимъ его инженерамъ, очень радушно поспрашивавшимъ съ ними, такъ какъ изъ Березняковъ до Перми онъ отправился по Камѣ на пароходѣ. По пріѣздѣ въ Пермь, 4-го августа, онъ еще осматривалъ вокзалъ, мастерскія дороги и техническое желѣзнодорожное училище. При этомъ ему были показаны нѣкоторыя приспособленія и усовершенствованія, сдѣланныя мѣстными инженерами, такъ, напримѣръ, автоматическая стрѣлка для перехода поѣзда съ однихъ рельсъ на другія и т. п. Г. министръ такъ заинтересовался этими новинками, имѣющими большое практическое значеніе, что распорядился сдѣлать чертежи къ нимъ и обѣщавъ сдѣлать всевозможное для введенія этихъ улучшеній на другихъ дорогахъ. Въ этотъ же день высокопоставленный гость, посѣтивъ начальника губерніи, отправился изъ Перми въ Уфу на казенномъ пароходѣ „Востокъ“. Въ ночь на 6-е августа инспекторъ дороги получилъ отъ г. министра изъ г. Саранпаула телеграмму слѣдующаго содержанія: „Меня искренно порадовало то постоянно сохраняющееся на дорогѣ служебное направленіе, которое выражается какъ весьма исправнымъ состояніемъ линіи по всѣмъ четыремъ отраслямъ желѣзнодорожной службы, такъ и благороднымъ соревнованіемъ между служащими, однимъ изъ послѣдствій котораго являются вновь представленныя мнѣ управляющимъ различныя полезныя нововведенія и значительныя улучшения. Благодарю всѣхъ служащихъ на дорогѣ, въ мастерскихъ и школахъ“.

Село Краснорѣченское, Маріинскаго округа, Томской губерніи (корреспонденція „Восточнаго Обозрѣнія“). Что касается настоящаго положенія нашего села, то вотъ каково оно. Въ селѣ 482 двора, около 5,000 душъ населенія; нарѣзано до 30 т. *) десятинъ земли, по 18 дес. на ревизскую душу; засѣвается до 5,000 десятинъ, преимущественно яровой ржи; имѣется въ селѣ 4 лавки съ мануфактурнымъ товаромъ, 4 мелочныхъ, 4 кабака и... 6,000 рублей недоимокъ, причисляя сюда и оклады за первую половину 1886 г., да 7,000 четвертей недоимочнаго хлѣба, такъ что изъ 7 общественныхъ амбаровъ 6 пустыютъ и на лицо лишь 1,000 четвертей; прибавьте къ этому еще 1,514 головъ рогатаго скота, павшаго до 15-го іюля 1886 года,—да и теперь еще не перестаетъ скотъ валиться,—и картина выйдетъ неприглядная. Вслѣдствіе извѣстнаго циркуляра о недоимкахъ губернатора Анисина имущество многихъ крестьянъ подверглось описи. Недавно назначенные торги на скотъ, экипажи, посуду, одежду и пр., не состоялись за отсутствіемъ покупателей, ибо это же имущество подлежало по различнаго

рода обязательствамъ мѣстнымъ кулакамъ (въ большинствѣ случаевъ, изъ евреевъ), а больше и покупателей нѣтъ. Вообще обѣднѣніе крестьянъ видимо растетъ, и теперь не рѣдкость услышать фактецъ въ такомъ родѣ, что крестьянинъ, за которымъ считается 50 рублей недоимокъ, засѣваетъ одинъ мѣшокъ хлѣба. Кстати сказать здѣсь о цѣнѣ хлѣба: пшеничная мука 1 рубль пудъ, ржаная 65 коп., овесъ 60 коп., крупа ячменная 1 р. 20 коп. пудъ, возъ сѣна стоитъ 1 р. 50 коп.; рабочій день (косьба) 50 коп.

Сытые объясняютъ распущенностью проявившуюся въ последнее время у краснорѣченцевъ склонность къ преступленіямъ, и теперь еще сидитъ 12 человекъ краснорѣченскихъ крестьянъ при волостномъ правленіи (большинство за воровство). Можетъ быть, было бы вѣрнѣе объяснять это экономическимъ упадкомъ краснорѣченцевъ. Если въ началѣ XIX-го вѣка Красная Рѣчка имѣла почву для процвѣтанія такихъ типовъ, какъ старецъ Даніилъ или Оедоръ Кузьмичъ, то теперь она выдѣлила изъ своей среды цѣлую разбойничью шайку, подъ атаманствомъ краснорѣченскаго же крестьянина „Кондрашки“. Эта шайка занимается попреимуществу обкрадываніемъ обозовъ и воруетъ лошадей и а выкупъ. Противъ этой шайки общество безсильно борется. Часто главные члены ея такъ нахваляются въ краснорѣченскихъ кабакахъ, что тутъ же и засыпаютъ, а самъ „Кондрашка“ пріѣзжалъ нынче въ село хоронить свою мать, и никто не думаетъ ихъ брать, такъ какъ „Кондрашка“ заказалъ, что, если кто рукой тронетъ его товарищей, тотъ дорого ему заплатить за нихъ. Самъ Кондрашка въ нѣкоторомъ родѣ интересный типъ разбойника—онъ изъ зажиточной семьи, служилъ въ солдатахъ, человекъ трезвый (онъ не только не пьетъ никакого вина, но даже не куритъ), часто, говорятъ, бѣднымъ крестьянамъ приносить денегъ, чаю, муки и т. п. Что касается „злобы дня“ не стихійнаго характера, то первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ мѣстному батюшкѣ. Онъ такъ поставилъ себя относительно общества, что къ нему никто изъ прихожанъ нейдетъ работать на покосъ, какъ это было и нынче. А что тому причиной,—поясняютъ незначительные факты: отецъ Николай задумалъ перестроить свой домъ, и эта постройка влетѣла обществу въ 1,000 р., а, можетъ быть, и еще придется приплатить. Дѣло въ томъ, что, когда о заготовкѣ лѣса зашла рѣчь у отца Николая съ обществомъ, онъ обѣщавъ лѣсную пошлину заплатить самъ, но потомъ, когда пришло время, онъ отказался, отъ этого, и общество принуждено платить со штрафомъ. При проѣздѣ преосвященнаго Исаакія мимо Красной Рѣчки, когда общество было спрошено: довольно ли оно своимъ причтомъ,—предупредительный отецъ Николай, тутъ же бывший, успѣлъ заявить, что онъ доволенъ крестьянами, а они довольны имъ. А, между тѣмъ, общество собралось именно высказать свое недовольство на отца Николая, но въ виду того... не знаю какъ назвать деликатнѣе, оборота со стороны батюшки, оно такъ ничего и не сказала. Онъ же торгуется въ воротахъ съ хозяевами о цѣнѣ за то, чтобы зайти съ крестомъ. Еще надняхъ онъ разбросалъ въ церкви 15 коп. въ негодованіи за то, что ему даютъ столько за крещеніе. Онъ же страшный юдофобъ, и разъ, прійдя въ неистовый восторгъ отъ передовицы пресловутаго „Луча“, собралъ сходку при закрытыхъ дверяхъ и возбуждалъ народъ чуть не къ избіенію ненавистнаго племени. Слѣдствіе по послѣднему случаю почему-то прекращено, а жаль... можетъ быть, оно и еще чтонибудь пораскрыло бы о дѣятельности отца Николая. Скажу въ заключеніе о средствахъ просвѣщенія села Краснорѣченскаго. Въ немъ выписывается „Сибирская Газета“ (2 экз.) „Мицута“, „Лучъ“, „Церковный Вѣстникъ“, „Русскій Паломникъ“, „Русскій Инвалидъ“ съ „Военнымъ Сборникомъ“, журналъ „Колосъ“ и „Гамелицъ“ (еврейская газ.) по одному экземпляру. Что касается мѣстнаго училища, то оно не въ цвѣтущемъ состояніи. Въ немъ не только нѣтъ библиотеки, но самое помѣщеніе и обстановка его заставляютъ желать много лучшаго. Самой учительницѣ, которую нельзя назвать нерадивой, можно пожелать болѣе сильныхъ способностей къ преподаванію, чѣмъ каковыя въ настоящее время у нея обрѣтаются... Зимой учениковъ было до 30 человекъ, а свидѣтельства получаютъ человекъ 2—черезчуръ мало на такое большое село.

Маріинскъ (корресп. „Вост. Обзор.“). Надняхъ здѣсь былъ ужасный случай, о которомъ до сихъ поръ очевидцы не могутъ вспомнить безъ содроганія. 20-го іюля, семья Н. И. Наумова, чиновника по крестьянскимъ дѣламъ, и военный докторъ Трновъ поѣхали въ поле, на пасѣнку, которая находится отъ города въ 4-хъ верстахъ.

*) Изъ нихъ около 25,000 считается удобной.

Напились тамъ чаю, набрали ягодъ и часовъ въ шесть собрались домой; дѣти всѣ были на виду, но когда уже укладывали въ повозки всѣ принадлежности гулянья, вдругъ замѣтили, что исчезла дочь Наумова, Катя, которой идти теперь 7-й годъ. Сначала подумали, что она гдѣ нибудь въ ближнемъ кустикѣ собираетъ ягоды, стали звать ее, но отвѣта нѣтъ, бросились искать вездѣ въ кустахъ — нѣтъ... Всѣ встревожились... Мать, отецъ, докторъ, кучера обѣжали всю пасѣку, всѣ кусты, всѣ ближайшія займки,— ребенка нѣтъ... На горизонтѣ собираются грозовыя тучи, наступаетъ ночь, а ребенка нѣтъ. Наконецъ, мать, обезумѣвшую отъ ужаса, уговорили ѣхать съ остальными дѣтьми домой, а самъ Н. И. Наумовъ послалъ одного изъ кучеровъ верхомъ въ ближайшую деревню Баймъ за народомъ на верховыхъ лошадяхъ для поисковъ заблудившагося ребенка по всѣмъ окрестностямъ. Часу въ десятомъ вечера прискакало человекъ 50 крестьянъ верхами, обѣжали всѣ займки, всѣ окрестности, верстъ на десять — ребенка нѣтъ и слѣда. Наконецъ часовъ въ 12 ночи изъ города прискакалъ для поисковъ жандармскій офицеръ со своею командой, полиція со стражниками, многіе изъ жителей города. Наконецъ, на двухъ тройкахъ пріѣхали солдаты мѣстной команды, посланные начальникомъ ея. Вся эта масса народа съ фонарями, съ зажженными факелами изъ береста, бросилась по кустамъ, болотамъ, пашнямъ, искать ребенка, и все бесполезно. Легко представить себѣ, что пережилъ отецъ въ эту глухую, темную ночь. Онъ до того обезсилѣлъ отъ нравственнаго гнета, что съ трудомъ ходилъ, и въ то же время не могъ нигдѣ найти себѣ мѣста. Въ воображеніи искавшихъ рисовались поражающіе ужасы: то представлялось, что несчастнаго ребенка, можетъ быть, въ эту минуту терзаетъ волкъ, и онъ тщетно умоляетъ о помощи, призывая папу и маму; то представлялось, что она попала въ болото, забунтъ, и затягиваемая трясинной, тщетно кричитъ: папа, мама, спаси меня... Наконецъ наступилъ разсвѣтъ, снова вся масса народа кинулась на поиски. Самъ Н. И. Наумовъ съ трудомъ сидѣлъ на верховой лошади, такъ какъ у него поминутно кружилась голова; въ сопровожденіи двухъ крестьянъ онъ поѣхалъ по всѣмъ окрестностямъ искать ее... и все тщетно. Наконецъ, крестьяне утомились, и пришлось отпустить ихъ домой, утомились солдаты и полиція. Одинъ только жандармскій офицеръ Вайковскій сказалъ, что онъ не уйдетъ съ этого мѣста до тѣхъ поръ, пока не найдетъ ребенка живымъ или мертвымъ, и уговорилъ Ник. Ив. ѣхать домой провѣдать семью и привезти хлѣба для утомившихся солдатъ. Утромъ мать снова пріѣхала на пасѣку, и пріѣздъ ея былъ счастливъ, ребенка нашли при слѣдующихъ условіяхъ: Работникъ на займкѣ мѣщанина Золотарева (въ 7-ми верстахъ отъ того мѣста, гдѣ пили чай), мальчикъ Ефимъ, боронилъ утромъ поле и увидѣлъ около гумна дѣвочку. Сначала онъ принялъ ее за пень, но потомъ, когда она пошевелилась, онъ побѣжалъ къ ней и спросилъ ее: — „Ты зачѣмъ, дѣвочка, ходишь здѣсь, развѣ заблудилась?“ — Она отвѣтила: „Да, заблудилась, папу моего зовутъ Н. И., маму Т. Х., сведи меня домой, тебѣ заплатятъ за это!“. Онъ привелъ ее на займку, гдѣ ее обмыли, такъ какъ она была вся въ грязи, напоили чаемъ и повезли въ городъ, но на дорогѣ ее перехватили жандармы и принесли къ роднымъ. Увидавъ мать, Катя закричала: „Мама, успокойся, я здорова, я ничего!“. Увидавъ ее, услышавъ ея голосъ, мать упала въ обморокъ, такъ что съ ней едва едва отводились. Нечего и говорить, что на сколько было сильно горе и отчаяніе родныхъ, на столько же сильна была и радость. Дѣвочка удивила всѣхъ тѣмъ, что нисколько не потеряла присутствія духа, не растерялась отъ такой страшной случайности. Вотъ ея разказъ. Отбѣжавъ отъ того мѣста, гдѣ всѣ были, за кустъ и увлеченная сборомъ ягодъ, она не замѣтила, какъ дошла до изгороди пасѣки, и, выйдя на дорогу, потеряла своротъ на пасѣку. Сначала она кричала: папа, мама, потомъ заплакала, но затѣмъ остановилась, стараясь ориентироваться въ мѣстности; сообразивъ, что лежащая передъ нею дорога ведетъ въ городъ, она побѣжала по ней, но сообразивъ также, что по дорогѣ ходятъ всякіе люди, которые могутъ причинить ей какую нибудь неприятность, она побѣжала полемъ около дороги; такъ какъ ботинки и галоши мѣшали ей скоро бѣжать, то она сняла ихъ и несла въ рукахъ, бѣжала босая, изрѣзала ноги травой, а перелѣзая черезъ изгородь потеряла ботинки и галоши. Она падала нѣсколько разъ отъ утомленія, ее клонилъ сонъ, но, всетаки, съ трудомъ собирая свои кро-

шечныя силы, она добралась до гумна, вошла въ него, нашла въ немъ снопы соломы и легла между двухъ сноповъ, разостлавъ предварительно на нихъ свои панталоны и юбочку и укрывшись платьемъ, но такъ, что ноги продѣла въ рукава платья, чтобъ спасти ихъ отъ укушенія комаровъ, а шляпку употребила вмѣсто подушки. Иззябла страшно, но, поужинавъ, тотчасъ же заснула. Ужиномъ ей послужилъ горохъ, котораго она нарвала полные корманы, наткнувшись во время побѣга на засѣянное имъ поле. Проснувшись рано утромъ, она одѣлась, позавтракала остатками гороха, но не выходила изъ гумна до тѣхъ поръ, пока не взошло солнце. Сидя на снопахъ утромъ, она любовалась полетомъ ласточекъ и утѣшала себя тѣмъ, что это ангелы посылаютъ ей ласточекъ, чтобъ они утѣшали ее своими пѣсенками. Затѣмъ она залюбовалась какимъ-то большимъ жукомъ, но не могла его поймать. Не смотря на то, что она продрогла, бѣжавши по сырому отъ дождя полю и травѣ, путешествіе это не причинило ей никакого вреда, ни насморка, ни кашля. Нравственно этотъ случай повліялъ на нее, она сбѣгалась сосредоточеннѣе, наблюдательнѣе и вдумчивѣе. Когда послѣ нарочно поѣхали осмотрѣть то мѣсто, гдѣ провела она ночь, она съ поразительной для ея лѣтъ ясностью указала поле, которымъ она бѣжала, тотчасъ же узнала гумно, гдѣ она ночевала. Къ довершенію ужаса, надо сказать, что недалеко отъ того мѣста, гдѣ она ночевала, начинается страшное Антибесское болото, забунтъ, и ребенокъ ночью бѣжалъ около него; кромѣ того, какъ говорятъ, въ этомъ же мѣстѣ ходитъ выводокъ волковъ. Страшный случай, удивительно счастливо кончившійся. И мать и отецъ такъ любятъ ее, что, пожалуй, и сами не пережили бы ея потери.

Нерчинскъ (корресп. „Вост. Обзор.“). Много писалось въ этомъ году о нашемъ городскомъ хозяйствѣ, о якобы совершенныхъ злоупотребленіяхъ нашимъ городскимъ головою, но мало правды было во всѣхъ этихъ писаніяхъ. Пора намъ, нерчуганамъ, встряхнуться и показать другую правую сторону дѣла. Дѣйствительно, многіми нареканіямъ подвергся нашъ голова, дѣйствительно было надъ нимъ наряжено слѣдствіе, хотя отъ должности онъ устраненъ не былъ, какъ утверждали было нѣкоторые корреспонденты, но пусть факты сами пояснятъ, какъ и почему все это произошло. У. Н. И. Переломова, какъ у всякаго честнаго человека, враговъ, разумеется, много, и вотъ, между прочимъ, въ мѣщанской управѣ твердо укрѣпились нѣкіе господа, имѣющіе основаніе быть недовольными на Переломова, за розыскъ покрывшагося уже пылью дѣла о растратѣ хлѣба изъ городского магазина, случившейся лѣтъ 10 тому назадъ, нынѣ оконченнаго и поступившаго на рѣшеніе въ ратушу. *Causa belli* скоро представился. Въ іюнѣ 1884 года осматривался городской хлѣбный магазинъ съ тѣмъ, чтобы опредѣлить цифру потребную на необходимый его ремонтъ, такъ какъ это былъ не амбаръ, а сарай; при этомъ было получено заявленіе отъ распорядителя магазина, что запасъ зерна болѣе 3,000 пудовъ попортился отъ дождей и на посѣвъ едва ли будетъ годенъ. Н. И. Переломовъ, убѣдившись, что дѣйствительно овесъ начинаетъ прѣть, предложилъ администраціи Бутина, бывшей тогда въ Нерчинскѣ и имѣвшей еще въ своихъ рукахъ винокуренные заводы, взять зерно съ тѣмъ, чтобы зимой оно было возвращено сѣмянной ярицей, но получилъ отказъ въ виду большаго запаса своего хлѣба. Администрація просила даже своего подрядчика, нерчинско-заводскаго купца Сибирякова, не сдавать условленную ярицу, а перевезъ расчѣтъ на деньги; тогда городской голова просилъ принять хлѣбъ хотя за счетъ Сибирякова, который согласился дать условіе возвратитъ зимой свѣжую и хорошую ярицу. Устроивъ это, голова назначилъ собраніе думы для разрѣшенія вопроса. Собраніе не состоялось за недостаткомъ 2-хъ гласныхъ. Однако, собравшіеся гласные, обсуждая вопросъ, рѣшили отпустить Сибирякову производить, а черезъ 7 дней назначить вновь собраніе. Въ это время недоброжелатели признали удобнымъ воспользоваться этимъ моментомъ и сочинили отъ мѣщанской управы бумагу объ отпускѣ имъ ярицы якобы на посѣвъ, на самомъ же дѣлѣ намѣреваясь употребить ее на прокормленіе партіи, снаряженной ими въ Игнашинскую Калифорнію. Городской голова отказалъ въ просьбѣ, пояснивъ отказъ тѣмъ, что просители хлѣбопашествомъ не занимаются, для спекуляцій же отпустить хлѣба не производится. Тѣ, разсердившись на это, собрали человекъ тридцать своихъ сторонниковъ, составили приговоръ, что голова выдалъ въ такой-то массѣ ссуду одному лицу для своихъ спекуляцій безъ разрѣшенія думы,

представили губернатору и просили о назначеніи слѣдствія и отстраненіи Переломова отъ должности. Когда слѣдователь пріѣхалъ, Сибиряковъ уже оканчивалъ обратную сдачу хлѣба, однако доносъ и всякія клеветы не прекращались, съ цѣлью хотя временно добиться устранения головы отъ должности; но, такъ какъ все было пока безуспѣшно, то, наконецъ, донесли, что Сибиряковъ, благодаря данной взятокъ головѣ, доставилъ хлѣбъ не только негодный для посява, но и свиньямъ въ пищу. Тогда г. Переломовъ попросилъ слѣдователя осмотрѣть хлѣбъ, взявъ въ понятіе непремѣнно сторонниковъ враждебной партіи. При осмотрѣ понятіе должны были признаться, что такой хорошій хлѣбъ имъ рѣдко приходилось видѣть и что они были вовлечены въ обманъ наговорами, въ чемъ составили актъ. Въ концѣ концовъ нельзя было не признать, что дѣйствія городского головы принесли хорошій результатъ такъ какъ такимъ путемъ онъ весной могъ родать 2,300 пудовъ хорошаго зерна нуждающимся, за что, конечно, получилъ благодарность. Не говоря уже о самой бесосновательности слѣдствія, оно было и неправильно, потому что жалоба была принесена помимо думы, которой уже самъ голова сообщилъ 20-го декабря для свѣдѣнія о полученіи имъ копій и опредѣленіи областного по городскимъ дѣламъ присутствія о назначеніи надъ нимъ слѣдствія; дума постановила въ больномъ составѣ, что въ отпускѣ хлѣба со стороны головы никакого подлога не было, а сдѣлано съ разрѣшенія ея, что она утвердила это прежде, утверждаетъ и теперь, и просить отмѣнить слѣдствіе, но губернское начальство въ отвѣтъ поставило ей на видъ ея вмѣшательство. Произведеннымъ слѣдствіемъ, однако, всѣ доносы и разныя инсинуаціи грязныхъ людей вполне опровергнуты. Скоро наступаетъ время выборовъ, рѣшается вопросъ, въ чьи руки попадетъ наше городское хозяйство. Очень жаль будетъ, если перчугане не съумѣютъ достаточно оцѣнить личность Н. И. Переломова, представляющаго общественнаго дѣятеля въ полномъ смыслѣ слова, не переставшаго неуклонно служить всѣми способами на пользу города, не смотря на всѣ перенесенныя имъ неприятели. Напомнимъ хотя нѣкоторые изъ результатовъ его дѣятельности. Когда прошлогодній неурожай ясно указывалъ, что весной хлѣбъ будетъ дорогъ и дойдетъ до 4 и 5 руб. за пудъ,—голова приобрѣлъ 9,000 пудовъ яричной муки, частью въ долгъ, по 2 р. 25 к. и весной продавалъ его только съ надбавкой 10 коп. на пудъ на расходы; въ день обывнымъ жителемъ выдавалось часто по 100 записокъ на отпускъ хлѣба отъ 10 фунтовъ до 4 пудовъ, и не будь этого запаса, была бы настоящая голодовка. Когда мясники повысили цѣну на мясо до 6 р. за пудъ, опять-таки голова приобрѣлъ скота и довелъ цѣну до 3 рублей. Понятно, что подобное отношеніе къ дѣлу должно вооружать кое-кого противъ него, но вопросъ въ томъ—кого?

До сихъ поръ городъ тратилъ 1,000 руб. на наемъ дома для уѣзднаго училища и 250 р. для приходскаго; городской голова рассчиталъ, что израсходовать 7,000 руб. на ремонтровку брошеннаго стараго зданія училища и на пристройку для приходскаго, черезъ 5—6 лѣтъ зданіе можно будетъ окупить. Дѣло это сдѣлано: новое зданіе составляетъ нынѣ красу Нерчинска и вызвало благодарность всѣхъ и величайшее одобреніе со стороны главнаго инспектора учебныхъ заведеній Восточной Сибири. Наконецъ, на мѣсто старой развалившейся больницы, возникаетъ двухэтажный каменный корпусъ—12 сажень длины и 7 ширины—съ деревянными особыми постройками, какъ-то: кухня, баня, прачешная, амбары, ледникъ съ покойницкой. Зданіе городской управы ремонтируется, въ него будетъ переведенъ городской банкъ и наверху отведено большое помѣщеніе для библиотеки. Библиотека особенно много обязана Н. И. Переломову, и всѣ надѣялись, что перчугане при руководствѣ такого энергичнаго и преданнаго городу человѣка не отстанутъ въ этомъ дѣлѣ отъ минусинцевъ, енисейцевъ, томичей и другихъ и утвердительно разрѣшатъ вопросъ о бесплатной библиотекѣ. Въ концѣ концовъ, нельзя не сказать спасибо хорошему дѣятелю и не пожелать сибирскимъ городамъ побольше такихъ предприимчивыхъ и заботливыхъ хозяевъ, какъ Н. И. Переломовъ.

УБИЙСТВО СОТНИКА КУЗЬМИНА-КОРОВАЕВА.

Списокъ преступленій, совершаемыхъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, въ нынѣшнемъ году становится довольно вну-

пительнымъ. Весьма недавно, въ очень незначительный промежутокъ времени и въ недалекомъ (по здѣшнему) сосѣдствѣ, одно за другимъ, совершены еще два новыя убійства. Въ Владивостокѣ извѣстны подробности пока только одного изъ нихъ, которое наиболѣе взволновало наше общество не только потому, что убитый извѣстенъ былъ всему городу, но потому еще, что обстановка преступленія, его мотивы, подготовка и таинственность дѣйствительно бросаются въ глаза каждому.

Подробности этого убійства слѣдующія. 15-го мая редація газеты „Владивостокъ“ получила изъ Мангугая (около 20-ти верстъ отъ Владивостока, на противоположномъ берегу Амурскаго залива) слѣдующую телеграмму:

„Вчера сотникъ Кузьминъ-Короваевъ, ѣхавшій съ Мангугайскаго караула въ урочище Барабашъ, убить манзами. Казакъ, сопровождавшій его, раненный тремя пулями, спасся и сообщилъ о случившемся. Убийцы сняли съ покойника сапоги и захватили золотые часы и серебряный портсигаръ. Поиски убійцъ производятся“.

Къ сожалѣнію, фактовъ, характеризующихъ мотивы преступленія, и нитей для открытія убійцъ собрано и до сихъ поръ весьма мало. Всѣ свѣдѣнія ограничиваются слѣдующимъ. Сотникъ Кузьминъ-Короваевъ, начальникъ пограничнаго (съ Китаемъ) Мангугайскаго караула, состоящаго изъ 15 человекъ казаковъ, былъ приглашенъ на пикникъ, устроенный въ урочищѣ Барабашъ, верстахъ въ пятнадцать отъ караула, и выѣхалъ туда передъ полднемъ, верхомъ, безъ всякаго оружія. вмѣстѣ съ нимъ напросился ѣхать одинъ изъ караульных казаковъ, которому тоже нужно было быть зачѣмъ-то въ урочищѣ Барабашъ, гдѣ стоитъ казачья сотня, батарея и батальонъ солдатъ. Дорога отъ Мангугайскаго караула направляется вдоль рѣчки Мангугай и верстахъ въ четырехъ отъ него проходитъ вплотную подъ обрывистымъ утесомъ около 3-хъ сажень высотой. Въ этомъ мѣстѣ рѣчку приходится переѣзжать въ бродъ и двигаться далѣе уже по другому берегу ея, гдѣ, въ небольшомъ разстояніи отъ перваго утеса, встрѣчается опять нѣчто похожее на обрывъ. Такимъ образомъ, Мангугай какъ бы прорвалъ здѣсь каменистый кряжъ и течетъ по ущелью. Около послѣдняго, на правомъ берегу рѣчки, ближе къ Мангугайскому караулу, подымается рядъ дикихъ, густо покрытыхъ лѣсомъ холмовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „Синихъ“ или „Голубыхъ“ горъ, которыя представляютъ собою сильно пересѣченную и трудно проходимую мѣстность. Съ другаго берега въ Мангугай впадаетъ небольшая рѣчка Встрѣчная, вытекающая изъ водораздѣльнаго Амба-бельскаго хребта, которымъ долина Мангугая отдѣляется отъ Амба-бельскаго караула, гдѣ года два тому назадъ убитъ манзами казакъ Илькицынъ. Немного далѣе упомянутаго ущелья и Синихъ горъ, т. е. ближе къ морю, расположенъ кедровникъ, гдѣ мангугайскій батальонъ постоянно держитъ своихъ дроворубовъ. Верстахъ въ десяти отъ ущелья, по направленію къ морю, лежитъ урочище Барабашъ, гдѣ, какъ уже сказано, стоятъ батальонъ, казачья сотня и батарея, а далѣе, на протяженіи около пяти верстъ, идутъ три недавно возникшія деревни новыхъ переселенцевъ: Попова гора, Тербиловка и Богословка—уже у самаго устья Мангугая.

Такимъ образомъ, если въ данный моментъ долина Мангугая и является незаселенною на пространствѣ между Мангугайскимъ карауломъ и урочищемъ Барабашъ, тѣмъ не менѣе считать ее совершенно глухою и дикою, подобно другимъ дѣйствительно пустыннымъ уголкамъ Южно-Уссурійскаго края, едва ли будетъ справедливо, такъ какъ съ обоеихъ концовъ она замыкается караулами, имѣющими частое сообщеніе между собою, а близъ наиболѣе глухой ея части, около ущелья, въ кедровникѣ, работаютъ батальонные дроворубы. Не смотря на это, ущелье, сквозь которое проходитъ Мангугай, издавна считалось опаснымъ, и у профъзжихъ, особенно у казаковъ, вошло уже въ привычку, подѣзжая къ нему, держать оружіе на-готовѣ, хотя сколько извѣстно, случаевъ нападенія въ этой мѣстности еще не бывало. Дѣлалось это какъ-то уже инстинктивно, машинально, потому что

каждый чувствовалъ, какъ опасенъ будетъ этотъ утесъ, если въ одинъ прекрасный день его выберетъ кто либо для за-сады; Сивія же горы могутъ свободно укрывать разбойничью шайку отъ самаго зоркаго глаза.

Подъѣзжая къ ущелью, Короваевъ, по привычкѣ, справился у казака, заряжена ли его винтовка, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, приказалъ вложить патронъ. Но подозрительнаго ничего не замѣчалось. Около утеса они спустились въ рѣчку и пошли въ бродъ; Короваевъ ѣхалъ впереди, казакъ, съ винтовкой за плечами,—сзади и немного правѣе. Они были уже на срединѣ, какъ неожиданно въ спину имъ раздался ружейный залпъ съ утеса, пущенный съ разстоянія всего нѣсколькихъ десятковъ шаговъ. Первый очнулся казакъ. Крикнувъ: „Ваге благородіе, хунгузы!“, онъ моментально повернулъ коня и, пригнувшись на сѣдлѣ, понесся во весь духъ изъ ущелья. То же самое сдѣлалъ и Короваевъ, но нѣсколько позже. Въ догонку обоимъ загремѣли новые выстрѣлы, и пули посыпались съ утеса одна за другою. Все это произошло, разумѣется, втеченіе нѣсколькихъ секундъ и подъ самыми дулами ружей скрытаго врага. Первымъ движеніемъ казака, когда онъ только-что повернулъ коня послѣ злпа, было выхватить изъ чехла винтовку, но ему не удавалось сдѣлать этого, какъ онъ думалъ сперва—по неловкости, и, только взглянувъ на свою пробитую двумя пулями кисть руки, онъ догадался о дѣйствительной причинѣ неудачи, такъ какъ въ первый моментъ рана была имъ не замѣчена. Въ головѣ казака, когда онъ старался достать винтовку, явилась мысль, выскакавъ изъ ущелья, залечь по близости утеса или же на скаку подстрѣлить кого нибудь изъ разбойниковъ, чтобы потомъ можно было напасть на ихъ слѣдъ, но исковерканная рука помѣшала выполнить подобное намѣреніе на первыхъ порахъ, а новая рана въ спину заставила окончательно отказать отъ него и гнать во весь духъ на Мангугайскій караулъ за помощью. Четвертая пуля скользнула у него по ногѣ и оторвала кусокъ коры съ дерева, шагахъ въ двухстахъ отъ утеса; впрочемъ, послѣдняя рана, или, вѣрнѣе, контузія, могла произойти даже и не отъ пули, а отъ удара о какой нибудь сучекъ во время бѣшеной скачки.

Не такъ счастливъ былъ самъ Короваевъ. При первыхъ же выстрѣлахъ пуля ударила его въ спину и пронизала навывлетъ въ грудь. Казакъ на полномъ скаку слышалъ, какъ онъ вскрикнулъ, и, оглянувшись мелькомъ, видѣлъ, что тотъ повалился съ коня и остался неподвижнымъ у самаго берега рѣчки. Лошадь Короваева сперва было остановилась, но, получивъ пулю въ шею навывлетъ, пустилась вскачь по направлению къ караулу, куда впереди ея несся раненый казакъ. Этотъ послѣдній видѣлъ на скаку, что, послѣ того какъ упалъ Короваевъ, съ утеса къ нему сбѣгали люди въ синихъ манзовскихъ курткахъ (куртка съ рукавами, или, вѣрнѣе, кацавейка), а когда онъ былъ еще подъ утесомъ, то ясно различилъ при выстрѣлахъ характерный звукъ в и п ч е с т е р н ы хъ с к о б ѣ при зарядкѣ ружья. Въ послѣднемъ обстоятельстве, не смотря на раны и свое критическое положеніе, онъ какъ опытный охотникъ, хорошо знакомый съ берданкой и винчестеромъ, ошибиться не могъ, хотя и несся въ это время въ карьеръ. Всѣхъ выстрѣловъ, по его словамъ, было сдѣлано около тридцати.

Проскакать 4 версты до Мангугайскаго караула, поднять тамъ тревогу и снарядить погоню за убійцами было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, но когда казаки примчались къ утесу, то застали только окровавленный трупъ Короваева. Сапоги, шапка, серебряный портсигаръ и золотые часы, бывшіе на убитомъ, исчезли; брюки и кожаную куртку, залитые кровью, убійцы оставили на трупѣ. Короваевъ былъ убитъ съ одного выстрѣла, такъ какъ, кромѣ сквозной раны въ спину, другихъ не замѣчалось. На землѣ около трупа видѣлись слѣды китайскихъ уль (башмаковъ) и, судя по нимъ, разбойниковъ было отъ 4 до 6 человекъ. На утесѣ, гдѣ была устроена засада, въ ложбинкѣ, служившей прикрытіемъ убійцамъ, найдены три пустыя гильзы отъ берданокъ, приготовленія 1876 года, когда, въ ожиданіи войны съ Турціей, патро-

намъ дали большій зарядъ для усиленія боя и настильности. Никакихъ другихъ гильзъ не нашли, такъ что, видимо, разбойники забрали ихъ съ собою для переснаряженія; тѣ же три гильзы отъ берданки, которыя подняты на мѣстѣ, были, вѣроятно, брошены нарочно, какъ уже никуда негодныя. Судя по тому, что патроны эти пробиты съ боку, можно предполагать, что берданка у разбойниковъ находится не въ порядкѣ. Положеніе найденныхъ гильзъ доказывало, что убійцы стрѣляли, прислонивъ ружье къ дереву, которое поднимается наклонно на самомъ краю обрыва. Подъ нимъ росло другое дерево, которое своими вѣтвями скрывало засаду, но такъ какъ оно нѣсколько мѣшало прицѣлу, то разбойники сломали его верхушку для болѣе вѣрнаго обстрѣла. Чтобы убѣдиться въ своихъ предположеніяхъ, казаки пробовали выбрасывать гильзы изъ берданокъ, прислонивъ послѣднія къ дереву, и онѣ неизмѣнно ложились на то же самое мѣсто, гдѣ были подняты три первыя.

При осмотрѣ утеса легко можно было видѣть, что вся засада была направлена не въ сторону Мангугайскаго караула, но къ урочищу Барабашъ, такъ что, несомнѣнно, разбойники поджидали кого то, ѣхавшаго со стороны, противъ которой той, откуда показались казакъ и Короваевъ. Съ этою цѣлью заросли и деревья частію были расчищены, чтобы не мѣшали выстрѣламъ, и оставлены лишь на столько, чтобы можно было укрыться отъ глазъ ѣдущихъ. Въ эту сторону разбойники могли бы стрѣлять по своимъ жертвамъ навѣрняка, въ какихъ нибудь двадцати шагахъ, и имѣли всѣ шансы оставаться скрытыми до этого момента. Чтобы замаскировать себя на всякій случай и съ тыла, они пона-тыкали древесныхъ вѣтвей на другой сторонѣ утеса, голый скатъ котораго иначе могъ бы случайно выдать ихъ присутствіе ѣдущему отъ Мангугайскаго караула. Яснымъ подтвержденіемъ, что разбойники отсюда никого не ждали и не приготовились къ встрѣчѣ, а появленіе Короваева и казака было для нихъ сюрпризомъ,—помнимъ малой обдуманности засады для этого направленія,—служить еще тотъ фактъ, что верхушка деревца на скатѣ утеса, о которой сказано раньше и которая, видимо, мѣшала выстрѣламъ, была сломана, по всей вѣроятности, уже тогда, когда казакъ и Короваевъ были совсѣмъ въ виду, о чемъ можно было судить по свѣжимъ, нисколько не поблекшимъ листьямъ. Вѣроятно, это обстоятельство и было причиной, что разбойники не совсѣмъ удачно потратили свои заряды и дали казаку ускакать за помощью. Изъ всѣхъ пуль, выпущенныхъ убійцами, не найдено ни одной, такъ какъ у Короваева, у казака и у лошади раны сквозныя, навывлетъ.

На этомъ кончаются собственно факты въ дѣлѣ объ убійствѣ Короваева; далѣе идутъ уже одни предположенія, потому что положительныхъ данныхъ нѣтъ. Трупъ Короваева, доставленный въ урочище Барабашъ, похороненъ тамъ; что касается раненаго казака, то, сколько слышно, на его выздоровленіе имѣются надежды. Кто совершилъ это преступленіе и по какимъ мотивамъ,—до сихъ поръ остается загадкой. Несомнѣнно только то, что убійцы были въ манзовскомъ платьѣ, но едва ли можно думать, чтобы это были хунгузы, т. е. профессиональные китайскіе разбойники (какъ ихъ здѣсь повимаютъ подъ этимъ названіемъ), потому что тутъ не замѣчается главнаго и существеннаго признака ихъ участія, по словамъ опытныхъ людей. Дѣло въ томъ, что хунгузы, совершая убійство, ради круговой отвѣтственности въ случаѣ измѣны, слѣдятъ, чтобы неучастствующихъ въ преступленіи не было, и потому каждый изъ нихъ обязанъ нанести ударъ собственной рукою, хотя бы даже трупу. Такимъ образомъ, хунгузы всегда совершаютъ убійство коллективно, и вслѣдствіе этого жертвы ихъ неизбѣжно бываютъ покрыты многочисленными ранами. На трупѣ же Короваева, какъ уже сказано, кромѣ одной огнестрѣльной раны, никакихъ другихъ нѣтъ. Съ другой стороны, подозрѣнія противъ солдатъ исчерпываются пока тѣмъ, что убійцы могли быть только переодѣты въ китайское платье, въ чемъ не видятъ ничего невѣроятнаго, тѣмъ болѣе, что солдаты силою

и рядомъ ходять въ китайскихъ улахъ (башмакахъ). Но все это устраняется, повидимому, тѣмъ обстоятельствомъ, что какъ разъ въ день убійства весь баталіонъ былъ въ сборѣ въ урочищѣ Барабашъ для какого-то ученія и всѣ люди находились на лицо; тамъ же въ это время были и дроворубы, а въ кедровникѣ оставались только четыре сторожа, при обыскѣ которыхъ не нашли ровно ничего подозрительнаго. Что же касается присутствія берданокъ у разбойниковъ, то фактъ этотъ въ данномъ случаѣ имѣетъ весьма малое значеніе, потому что берданки имѣются въ китайскихъ войскахъ и легко могли быть получены оттуда или же приобретены у насъ, такъ какъ раньше манзы свободно приобретали бракованныя берданки въ вольной продажѣ. Сверхъ того, за послѣдніе года здѣсь было до 6 или 8 случаевъ убійства нашихъ солдатъ манзами, причемъ пропадали и ружья; слѣдовательно нѣтъ ничего удивительнаго, если въ рукахъ китайцевъ оказались берданки и патроны изготовленія 1876 года, которые частнымъ лицамъ не отпускались. Наконецъ, къ намъ нерѣдко убѣгаютъ китайскіе солдаты съ сосѣднихъ постовъ и сплошь и рядомъ уносятъ съ собою свое оружіе. Такіе побѣги повторяются такъ часто, что, напримѣръ, начальникъ китайскаго караула близъ Мангугая, будучи недавно въ урочищѣ Барабашъ (убійство Короваева застало его еще тамъ), въ гостяхъ у офицеровъ, сообщалъ, что онъ положительно вынужденъ запираеть оружіе своихъ солдатъ, во избѣжаніе расхищенія его бѣглецами. Все это заставляетъ сознать, что присутствіе берданокъ не есть еще въ данномъ случаѣ несомнѣнный признакъ соучастія русскихъ, съ одной стороны, а въ то же время, съ другой, это обстоятельство нисколько не уменьшаетъ вѣроятности совершения сказаннаго убійства и одними китайцами.

Немедленно же, съ полученіемъ извѣстій объ этомъ прискорбномъ случаѣ, сотня, состоящая въ урочищѣ Барабашъ, выѣхала на поиски. Съ своей стороны и начальникъ китайскаго караула послалъ гонца къ своимъ солдатамъ съ приказаніемъ выступить за разбойниками, предупредивъ наши власти, что китайскія войска будутъ въ извѣстной формѣ. Послѣдняя предосторожность весьма понятна послѣ печальнаго недоразумѣнія съ сотникомъ Ножинымъ, который лѣтъ восемь тому назадъ случайно наткнулся на китайскій отрядъ, точно также преслѣдовавшій хунгузовъ, и, принявъ его ночью за разбойничью шайку, врубился въ него съ своей сотней. Одновременно съ казаками изъ урочища Барабашъ на поиски выступили также конные отряды изъ Новокіевска (въ Посыетѣ) и станицы Полтавской, куда дали знать по телеграфу, такъ что долина, Мангугая была охвачена со всѣхъ сторонъ. Къ сожалѣнію, всѣ усилія остаются пока безплодными. На сколько удалось замѣтить, убійцы отъ утеса направились въ Синія горы, но тамъ ихъ можно было бы открыть развѣ только при помощи сплошной цѣпи войскъ. Проплутавъ тщетно нѣсколько дней и издержавъ провизію, отряды вернулись на свои мѣста съ пустыми руками. Результатомъ экспедиціи были только нѣсколько десятковъ безбилетныхъ манзъ, захваченныхъ по дорогѣ, да сожжены около десяти звѣровыхъ фанзъ, противъ которыхъ были подозрѣнія, что онѣ служатъ притономъ для бродягъ. Впрочемъ, всѣ подобныя экспедиціи обыкновенно и кончались этимъ.

Одно обстоятельство, повидимому, проливаетъ свѣтъ на это темное дѣло. Въмѣстѣ съ другими манзами, арестованъ, между прочимъ, баталіонный подрядчикъ,—тоже китаецъ,—съ его помощникомъ. Не смотря на то, что противъ обоихъ уликъ собственно не имѣется, въ поведеніи ихъ усматриваютъ нѣчто подозрительное. Дѣло въ томъ, что утромъ въ день убійства Короваева изъ урочища Барабашъ на Мангугайскій караулъ долженъ былъ отправиться артельщикъ для закупки скота на границѣ, а при немъ было до 1,000 руб. казенныхъ денегъ. Ательщикъ дѣйствительно выѣхалъ около 9-ти часовъ и передъ полднемъ былъ бы какъ разъ около роковаго утеса, если бы конвойный казакъ не замѣшкался и не заставилъ его вернуться назадъ, уже съ дороги. Вслѣдствіе этого поѣздка была отложена до слѣдующаго дня. Если принять

во вниманіе, что засада на утесѣ была направлена именно въ эту сторону, а день и время выѣзда артельщика не составляли секрета, такъ какъ деньги были переданы ему еще за два дня (тутъ какъ разъ была и манза-подрядчикъ) передъ этимъ,—то становится весьма вѣроятнымъ, что участь, постигшая Короваева, предназначалась именно артельщику. Баталіонный подрядчикъ въ этотъ день утромъ ушелъ изъ урочища Барабашъ и былъ захваченъ по дорогѣ къ Мангугайскому караулу, причемъ у него найдено нѣсколько фальшивыхъ паспортовъ. Во всѣхъ этихъ совпаденіяхъ думаютъ видѣть не одну простую случайность, но нѣкоторые признаки соучастія,—и дѣйствительно, если идти этимъ путемъ, то ходъ преступленія и его мотивы объясняются наиболѣе просто. Въ такомъ случаѣ сотникъ Короваевъ явился лишь случайною жертвою, вслѣдствіе боязни разбойниковъ за успѣхъ своего плана, если бы они позволили ему проѣхать спокойно. Но,—повторяю еще разъ,—уликъ противъ подрядчика, на сколько извѣстно, пока не имѣется, и потому всѣ эти сопоставленія, основанныя на голыхъ предположеніяхъ, могутъ также легко рухнуть, какъ легко они и создались. Есть еще слухи, что, будто бы, китайскія войска захватили недавно на границѣ шестерыхъ подозрительныхъ манзъ, но, на сколько это достовѣрно, не знаю.

БѢГЛЫЙ САХАЛИНЕЦЪ.

(Интересный преступникъ).

Въ уголовномъ отдѣленіи нѣжинскаго окружнаго суда, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, разсматривалось дѣло о ссыльно-каторжномъ, сынѣ священника, Васильѣ Васильевичѣ Комаровскомъ, обвинявшемся въ побѣгѣ съ каторжныхъ работъ на о. Сахалинѣ. Съ 10-ти часовъ утра въ залъ суда начала стекаться публика, а въ 12 часовъ, когда началось дѣло, негдѣ было повернуться. Особенно интересовались этимъ дѣломъ, по словамъ «Южнаго Края», представительницы прекраснаго пола, такъ какъ подсудимый Комаровскій по своей наружности—красивый, статный 26-лѣтній молодой человекъ, а равно и является нѣкотораго рода отечественнымъ Рокамболомъ по своимъ безчисленнымъ похищеніямъ и проступкамъ.

Родители В. Комаровскаго люди очень состоятельные, они ничего не жалѣли для своего первенца, баловали его, потворствовали всякимъ его капризамъ. Когда наступило время воспитывать сына, они отвезли его въ Кіевъ и опредѣлили во 2-ю кіевскую гимназію. Послѣ Рождественскихъ праздниковъ, однако, пришло отъ гимназическаго начальства письмо, въ которомъ начальство просило взять мальчика домой за малоуспѣшность и шалости. Отецъ, благочинный священникъ м. Ични, Борзенскаго уѣзда, помѣстилъ сына въ нѣжинскую гимназію. Но и отсюда послѣдній скоро былъ уволенъ, такъ какъ позволялъ себѣ воровать все, что ни попало, не только у товарищей, но и у учителей. Живя дома у своихъ родителей, мальчикъ Комаровскій пополнялъ свое свободное время различными проделками невиннаго характера. Такъ, ночью забирался во дворы крестьянъ, разбиралъ телѣги и истыкалъ колеса на колья плетней, съ которыхъ снималъ горшки и кувшины и разбивалъ, отпиралъ конюшни и хлѣвы и выпускалъ лошадей и скотъ и т. п. Разъ къ его родителямъ пріѣхалъ въ гости священникъ изъ сосѣдней деревни. Отецъ Комаровскаго и гость легли спать на одной кровати. Ночью Комаровскій подкрался къ отцу и связалъ его бороду съ бороною гостя, а самъ забрался на куриный насѣсть и началъ будить спавшихъ крикомъ: «кукуреку»!... Между тѣмъ, Комаровскому исполнилось 18 лѣтъ. Онъ поѣхалъ въ Черниговъ, чтобы опредѣлиться въ земскую учительскую семинарію, но вскорѣ проворовался и долженъ былъ бѣжать изъ города. Черезъ нѣкоторое время онъ поступилъ въ гусарскій полкъ, стоявшій въ г. Прилукахъ. Тутъ онъ поддѣлалъ свидѣтельство о выдержаніи имъ экзамена изъ 6-ти классовъ нѣжин-

ской гимназіи и съ нимъ поступилъ въ чугуевское юнкерское училище. Въ училищѣ онъ пробылъ всего около года и былъ уволенъ за кражу часовъ у часовыхъ дѣлъ мастера. Проживая опять въ домѣ родителей, онъ продолжалъ прежнія свои похождения, окончившіяся, наконецъ, убійствомъ прохожаго торговца мелкимъ товаромъ, татарина Хосянова. За это преступленіе онъ былъ осужденъ черниговскимъ окружнымъ судомъ 22-го февраля 1882 года къ лишенію вѣхъ правъ состоянія исылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 11 лѣтъ. Въ силу этого приговора Комаровскій былъ отправленъ черезъ харьковскую каторжную тюрьму на о. Сахалинъ. 16-го октября прошлаго года Комаровскій явился въ нѣжинскую мѣщанскую управу и, отозвавъ въ другую комнату служащаго въ этой управѣ г. Сѣрикова, стараго своего знакомаго, сообщилъ ему, что онъ убѣжалъ съ о. Сахалина. При этомъ рассказалъ ему слѣдующія подробности о своемъ побѣгѣ: на Сахалинѣ онъ былъ учителемъ содержанки инженера, важнаго лица на островѣ; въ то же время онъ завѣдывалъ приемкой каменнаго угля и выдачей его на корабли. Одному англійскому судну онъ отпустилъ столько каменнаго угля, что подкупилъ капитана, который и взялъ его съ собою въ Англію. Четыре мѣсяца прожилъ Комаровскій въ Англіи. Такъ какъ за это время ему надоѣла заграничная жизнь, то онъ прибылъ на родину. Свой рассказъ Комаровскій заключилъ просьбою къ Сѣрикову достать паспортъ и дозволить прожить въ его квартирѣ два-три дня. Но Сѣриковъ указалъ на него полиціи, которая схватила его и посадила въ нѣжинскій тюремный замокъ. 26-го декабря Комаровскій умудрился убѣжать изъ тюрьмы. Онъ зналъ о своемъ сходствѣ съ старшимъ надзирателемъ этой тюрьмы. И вотъ онъ изъ своего арестантскаго армяка сдѣлалъ шинель, похожую на шинель надзирателя, досталъ фуражку и обвязался башлыкомъ. Въ такомъ видѣ ему уже не трудно было вырваться за стѣны тюрьмы, гдѣ его ожидалъ губернскій секретарь Вѣльченко съ лошадыю, на которой они поѣхали съ с. Таладаевку, Нѣжинскаго уѣзда. Тутъ они переночевали у знакомыхъ Вѣльченко и похитили у нихъ 117 рублей. Черезъ нѣкоторое время Комаровскій находился уже въ Москвѣ и оттуда написалъ два письма на имя нѣжинской полиціи и слѣдователя, въ которыхъ, между прочимъ, заявляетъ, что никто изъ служащихъ при тюрьмѣ не виновенъ въ его побѣгѣ. Въ среднихъ числахъ февраля нынѣшняго года Комаровскій снова появляется недалеко отъ Нѣжина. Въ Прилукомъ уѣздѣ на одной изъ почтовыхъ станцій онъ беретъ за прогоны пару лошадей съ ямщикомъ, котораго на дорогѣ убиваетъ и, переодевшись въ платье своей жертвы, ѣдетъ въ г. Прилуки. Но тутъ онъ попадаетъ въ руки полиціи, которая, зная, кто такой арестованный, заковала его въ цѣпи и посадила въ тюрьму. Какъ ни бдительно стерегли его здѣсь, но онъ всего черезъ нѣсколько дней нашелъ средство опять совершить побѣгъ и съ необыкновенною дерзостью началъ появляться въ окрестностяхъ, разбѣгая на парѣ уворованныхъ лошадей съ своимъ товарищемъ, который исполнялъ роль кучера. 24-го февраля ночью Комаровскій и Каратыгинъ подѣхали къ дому священника Григоровича. Комаровскій остался у лошадей, а Каратыгинъ вошелъ въ домъ, гдѣ, кромѣ одной дочери священника, никого не было. Держа въ рукѣ ножъ, Каратыгинъ потребовалъ денегъ. Но такъ какъ денегъ не оказалось, то Каратыгинъ захватилъ съ собою нѣсколько болѣе или менѣе цѣнныхъ вещей и вышелъ изъ дома, оставивъ дочь священника еле-живую отъ страха. Злоумышленники завязали наружныя двери и скрылись. Наконецъ, Комаровскій опять былъ арестованъ вмѣстѣ съ своими соучастниками и преданъ суду.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИТАЛЬЯНЦА СОМЬЕ ПО СИБИРИ *).

Пребываніе въ Обдорскѣ.—L'umyvalnik, какъ признакъ культурности.—Замѣчанія о климатѣ крайняго сѣвера Сибири.—Обдорскій прогрессъ.—Исторія Обдорска и этимологія этого имени.—Настоящее Обдорска.—Обдорская ярмарка.—Бирки.—Торговля этихъ странъ въ древнія времена.—Самоѣдскіе спортсмены.—Обдорскія цѣны на дорогѣ мѣха сравнительно съ петербургскими и московскими.—Пушные мѣха, привозимые въ Обдорскъ изъ Америки и Германіи.—Поступательное движеніе русскихъ на сѣверѣ по устью Оби.—Мнѣніе Сомье о будущности Обдорска.—Его обдорскія знакомства.—Князь Тайшинъ.—Попытки совершить экскурсію по Уралу.—Жалобы на комаровъ и водку, какъ на два главнѣйшія несчастія этихъ странъ.—Посѣщенія остякаго кладбища.—Довѣрчивость инородцевъ другъ къ другу.

Послѣ утомительнаго плаванія отъ Березова до Обдорска, даже и это глухое мѣсто показалось Сомье очень сноснымъ; онъ примирился даже съ тараканами, въ изобиліи покрывавшими стѣны и потолокъ его помѣщенія и безпрестанно валившимися на голову, на тарелки и пр. Въ Обдорскѣ Сомье прожилъ цѣлую недѣлю, дѣятельно ботанизируя въ окрестностяхъ и собирая разныя этнографическія и экономическія свѣдѣнія о мѣстныхъ жителяхъ. Желая дать своимъ читателямъ понятіе о культурномъ уровнѣ обдорскихъ обывателей, онъ посвятилъ немало мѣста детальному описанію дома, въ которомъ остановился, описалъ подробно хорошо знакомый русскому читателю рукомойникъ (L'umyvalnik), „устройство котораго весьма удобно и приспособлено для людей, моющихся очень мало“. Этотъ L'umyvalnik показываетъ нѣкоторую культурность обдорскихъ жителей, между тѣмъ какъ сосѣдніе остяки умываются весьма примитивно: набираютъ воды въ ротъ и изъ этого резервуара поливаютъ себѣ на руки. Ботаническія экскурсіи въ ближайшихъ окрестностяхъ Обдорска дали путешественнику очень мало добычи, такъ какъ растительность тутъ очень бѣдна и мизерна, хотя, къ своему удивленію, на противоположномъ берегу Оби, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Обдорска, онъ нашелъ очень крупныя деревья. Что касается до обдорскихъ пейзажей, то они показались ему очень печальными, хотя общій однообразный видъ нѣсколько сглаживаетъ цѣнь Уральскихъ горъ, виднѣющаяся вдаль. Говоря о суровомъ обдорскомъ климатѣ, Сомье замѣчаетъ, что онъ могъ бы быть еще суровѣе, если бъ хотя немного увеличилось количество зимняго снѣга, „потому что тогда на сѣверномъ Уралѣ образовались бы льды, которые распространились бы и по равнинамъ, такъ какъ тогда подземный ледъ соприкасался бы со льдомъ, образованнымъ снѣгомъ, и потому для этихъ странъ наступила бы такая же ледяная эпоха, какая царствуетъ теперь на той же широтѣ въ Гренландіи. Счастье для сѣверной Сибири, что она имѣетъ климатъ чрезвычайно сухой во время зимы, и что въ ней выпадаетъ немного снѣга, который легко расплавляютъ солнечныя лучи въ долгіе лѣтніе дни“.

Вслѣдствіе суровости климата и бесплодія почвы, оттаивающей на самую незначительную глубину, и самое населеніе Обдорска увеличивается крайне медленно: въ 1876 году, по Финшу, въ немъ было 67 домовъ и 485 жителей, а по справкамъ, наведеннымъ авторомъ въ 1880 г., оказалось, что эти цифры вполне возможно удержать, такъ какъ приростъ очень незначителенъ. Но, всетаки, съ теченіемъ времени развиваются даже и такіе глухіе углы, какъ Обдорскъ. Кастрень, путешествовавшій въ 1843—1844 г., видѣлъ въ Обдорскѣ семейства русскихъ купцовъ, живущихъ въ невѣдѣніи самыхъ элементарныхъ требованій комфорта, и главный обдорскій администраторъ даже хвалился тѣмъ, что онъ цѣлые полгода питается однимъ сырымъ мясомъ; теперь же поселившіеся здѣсь русскіе живутъ менѣе посамоедски и уже варятъ мясо и рыбу. Относительно исторіи Обдорска и этимологіи самаго имени Сомье сдѣлалъ довольно солидныя изысканія и пришолъ къ вѣроятнымъ выводамъ, основываясь на Лербергѣ, картѣ Московіи, приложенной къ космографіи Мюнстера (1544 г.), и Фишеръ. По его мнѣнію, Обдорскъ основанъ во время экспедиціи 1499 г., посланной

*). См. «Сибирскій Сборникъ», книга I-я,

Иваномъ III для покоренія Югорской земли, эта экспедиція основала 32 острожка, однимъ изъ которыхъ и былъ Обдорскъ. Первоначально этотъ пунктъ имѣлъ очень мало значенія и только въ 1635 г. онъ приобрѣлъ нѣкоторую важность, наименованіе „Обдорской заставы“ и постоянныхъ жителей. Относительно этимологіи этого слова авторъ приводитъ нѣсколько мнѣній и, наконецъ, останавливается на мнѣніи Siögrèn'a, по которому об—слово зырянское и значить „снѣговая вода“, а dor—тоже зырянское, означающее „край, конецъ“, отсюда „устье“ (obdor—устье снѣговой воды). Русскіе усвоили это названіе отъ зырянъ, потому что эти послѣдніе были ихъ проводниками во время первыхъ походовъ въ эти края; остяки же называютъ Обдорскъ „Полновать“ и „Полновать-вашъ“, а самоѣды—„Солія-Карнъ“. Переходя далѣе отъ историческаго прошлаго Обдорска къ его современному состоянію, Сомье подробно описываетъ важное событіе въ его жизни, ежегодно повторяющееся,—обдорскую зимнюю ярмарку (главнымъ образомъ по Кастрену). Въ этомъ описаніи интересно указаніе на особаго рода росписки, которыя здѣсь въ ходу при торговыхъ сношеніяхъ русскихъ купцовъ съ инородцами—это досечки, на которыхъ отмѣчаютъ зарубками число рублей, должныхъ инородцемъ купцу; при этомъ одна такая досечка остается у купца, а ея дубликатъ дается инородцу, и оба одновременно отмѣчаютъ у себя состояніе долга. Авторъ замѣчаетъ, что „бирки (taglio), которыя употребляются также между нами, соотвѣтствуютъ этимъ досечкамъ сибирскихъ и лапландскихъ инородцевъ“. Перечисляя обыкновенные предметы торговаго обмѣна между русскими и инородцами, авторъ не забываетъ водки, продажа которой хотя и запрещена официально, но, тѣмъ не менѣе, практикуется силою и рядомъ; это запрещеніе даетъ только тотъ результатъ, что увеличиваетъ ея цѣнность и дѣлаетъ ея продажу одной изъ болѣе выгодныхъ отраслей торговли. Въ pendant современному состоянію торговли, авторъ приводитъ историческія свѣдѣнія, рисующія торговое дѣло въ этихъ краяхъ во времена далекаго прошлаго. Арабскій географъ XV в. Бакуа говоритъ о народѣ, живущемъ въ сѣверной сторонѣ Уальсу, „гдѣ дни очень длинны, а за ними слѣдуютъ ночи равной продолжительности“; жители этой страны ведутъ торговлю съ болгарами и ведутъ ее безъ личныхъ сношеній, безъ непосредственнаго обмѣна, но дѣло происходитъ такъ, что болгары кладутъ свои товары на извѣстныя мѣста, куда вскорѣ являются туземцы, берутъ ихъ и оставляютъ взаимно свои товары равной цѣнности. По мнѣнію Шренка, подъ жителями Уальсу нужно разумѣть самоѣдовъ, не входившихъ въ непосредственныя торговыя сношенія съ болѣе южными народами, но пользовавшихся для этого посредничествомъ остяковъ. Другой арабскій писатель, Абдуль-Феда (начало XIV в.), также упоминаетъ о народахъ, „живущихъ на сѣверѣ отъ русскихъ и торгующихъ съ иностранцами безъ личныхъ сношеній“. Герберштейнъ въ 1549 году упоминаетъ объ инородцахъ, „умирающихъ въ началѣ зимы, какъ лягушки, и оживающихъ въ началѣ весны“; они имѣютъ подобную же систему торговыхъ сношеній съ иностранцами. Главный предметъ торговли, предлагаемый инородцами,—продукты охоты, которая производится различнымъ образомъ; особенно любимый способъ—капканы, западни, на которыхъ инородцы великіе мастера, что показываетъ на существованіе въ нихъ достаточнаго количества изобрѣтательной способности (ingegno inventativo). Охота на волковъ играетъ у самоѣдовъ роль спорта и доставляетъ имъ особое удовольствіе. Въ началѣ зимы, лишь только тундра покрывается первымъ снѣгомъ, самоѣдскіе спортсмены выѣзжаютъ на охоту въ саняхъ, запряженныхъ четырьмя быстрыми оленями; особенно пріятно для нихъ закалывать волка остриемъ длинной палки, служащей имъ для управленія оленями. Весьма важную роль въ торговлѣ играютъ шкурки дорогихъ звѣрей, которыя, однако, выгоды и лучшаго качества можно купить въ Петербургѣ и Москвѣ, чѣмъ на мѣстѣ; конечно, это происходитъ отъ того, что туда свозятся пушные товары со всей Сибири, и потому тамъ можетъ установиться не осо-

бенно высокая цѣна на нихъ и можно сдѣлать лучшій выборъ. Продавать пушной товаръ на мѣстѣ по высокой цѣнѣ, быть можетъ,—уловка, которую употребляютъ мѣстные купцы, желая доказать, что невыгодно оставаться здѣсь и конкурировать съ ними. Еще болѣе кажется страннымъ на родниѣ всякаго пушнаго звѣря видѣть шкурки, привезенныя изъ другихъ странъ, а между тѣмъ это случается нерѣдко. Финшъ видѣлъ въ Обдорскѣ бобровыя шкурки, имѣвшія клейма одного лейпцигскаго торговаго дома; живущій въ Обдорскѣ ссыльный Гольдмахеръ сообщилъ Сомье, что онъ видѣлъ здѣсь подобныя шкурки, вывезенныя изъ Сѣверной Америки и выдѣланныя въ Германіи. Это происходитъ отъ того, что остяки и самоѣды приписываютъ мѣху бобра, не водящагося у нихъ, какое-то особенное очистительное свойство. Вслѣдствіе частыхъ падежей оленей число кочующихъ инородцевъ-охотниковъ уменьшается, но за то увеличивается число рыболововъ; такимъ образомъ, и русскіе подвигаютъ все далѣе и далѣе въ Обскую губу свои лѣтнія рыболовныя стоянки (stazioni), такъ какъ инородцы главнымъ образомъ доставляютъ имъ рыбу. Относительно будущности Обдорска авторъ довольно неутѣшительнаго мнѣнія: его развитіе обусловливается только развитіемъ и улучшеніемъ рыбопромышленности*). Если когда нибудь установятся правильныя сношенія между устьемъ Оби и европейскими портами, то Обдорскъ можетъ приобрести довольно большую важность; но если оснуется какая нибудь новая колонія ниже его по Оби, то онъ потеряетъ и настоящее свое значеніе. Такъ какъ на рыбную ловлю обращено все вниманіе населенія, то дичь, водящаяся около Обдорска въ большомъ количествѣ, остается въ покоѣ. Нашъ путешественникъ былъ очень радъ ввести разнообразіе въ свои menus, состоявшія вѣчно изъ уха и pirog'a. Въ семидневное пребываніе въ Обдорскѣ у Сомье завязалось тамъ немало знакомствъ: тутъ былъ и sassedâtel, и политическіе ссыльные, и даже сосланные туда скопцы, которые приняли его за врача и пригласили къ себѣ за медицинскимъ совѣтомъ. У жителей этихъ странъ,—замѣчаетъ авторъ,—сложилось убѣжденіе, что всякій заѣзжій чело-вѣкъ, не купецъ и не чиновникъ, а только „собирающій травы“, непременно долженъ быть медикомъ, и потому постоянно обращались къ нему за разными совѣтами; но, къ его сожалѣнію, рѣдко случалось, чтобы въ его маленькой походной аптечкѣ оказывались средства противъ болѣзней мѣстныхъ жителей. Въ Обдорскѣ же путешественникъ видѣлъ другаго остякаго князя, Тайшина, произвѣдшаго на него такое же впечатлѣніе, какъ и первый, Артонціевъ: та же страсть къ водкѣ, тѣ же внѣшніе приемы, крайняя неразвитость и полное незнаніе русскаго языка. Отъ этого князя онъ получилъ нѣчто въ родѣ открытаго листа, въ которомъ заключался приказъ доставлять „господину Сомье“ экипажъ, оленей и вообще оказывать всякое содѣйствіе. Этотъ приказъ былъ написанъ засѣдательскимъ писаремъ (первымъ остякомъ, умѣвшимъ читать и писать, котораго до сихъ поръ встрѣтилъ Сомье). Съ большимъ трудомъ позволилъ князь произвести надъ собой краніометрическія измѣренія. Изъ Обдорска путешественнику хотѣлось сдѣлать маленькую экскурсію къ Уралу, но это оказалось нелегко. Прежде всего никто не могъ дать опредѣленныхъ указаній, какъ проѣхать туда водой; одни совѣтовали подняться по Собу, одному изъ притоковъ Оби, другіе—по Хорцѣ, другому притоку, впадающему въ Обь въ 40 верстахъ отъ Обдорска; далѣе весьма затруднительно было найти проводниковъ. Сухой путь представлялъ немалыя затрудненія, такъ какъ все движеніе по немъ происходитъ исключительно зимой. Благодаря содѣйствію засѣдателя, нашелся проводникъ, какой-то зырянинъ; впрочемъ, онъ, вытрезвившись, попробовалъ было сбѣжать, но опять тотъ же засѣдатель принудилъ его остаться и сдержатъ обѣщаніе.

*) Сомье прилагаетъ таблицу, показывающую количество и цѣнность рыбнаго улова 1879 года, хотя онъ несомненно вѣрить ей, какъ официальной (общая цѣнность—132,701 р. 80 к.).

Съ носильщиками багажа тоже было немало хлопотъ: то они перешибутся, то, вытрезвившись, сбѣгутъ, и, только благодаря помощи засѣдателя Салова, удалось отправиться. Вслѣдствіе этого глава заканчивается жалобами на неумѣренное употребленіе водки въ Сибири: „Не будетъ преувеличеніемъ сказать,—говоритъ онъ,—что комары и водка—два главнѣйшія бѣдствія въ этихъ странахъ; комары, однако, свирѣпствуютъ два или три мѣсяца, а употребленіе водки съ 1-го января по 31-е декабря“. „Еще я долженъ замѣтить“,—заканчиваетъ онъ, упомянувъ о громадномъ количествѣ праздниковъ въ Россіи и соединенномъ съ ними усиленномъ употребленіи водки,—„что дѣйствіе водки замѣчается гораздо чаще на русскихъ, чѣмъ на инородцахъ; единственная причина этому, вѣроятно, та, что послѣднимъ гораздо труднѣе доставать эту жидкость (liquore), одинаково любимую всѣми“.—На первой же станціи, Лабытнянскихъ юртахъ, зырянинъ-проводникъ сбѣжалъ, и пришлось найти другаго, остяка. Во время этой продолжительной остановки путешественникъ посѣтилъ остяцкое кладбище, гдѣ нашелъ много идоловъ крайне грубой формы, разложенныхъ по землѣ рядами; одни изъ нихъ были новы, другіе уже наполовину сгнили; съ

каждой новой молитвой остяки прибавляютъ новыхъ идоловъ къ уже лежащимъ. Ночь пришлось провести въ зырянской юртѣ, гризной, темной и душной; полъ ея покрывали разныя остатки ѣды, которые могутъ сойти со временемъ за настоящія kjökken-möddings (кухонные остатки). Въ числѣ работниковъ у хозяина этой юрты былъ сынъ князя Тайшина: „печальная участь для принца крови!“—замѣчаетъ авторъ. 19-го (7-го) августа путешественникъ отправился дальше. Въ окрестностяхъ преобладала pinus obovata вышиной въ 4—5 метровъ. Въ 4 верстахъ отъ Лабытнянскихъ юртъ находится весенняя резиденція князя Тайшина; всѣ двери въ хижинахъ были безъ замковъ. „Часто я удивлялся, — замѣчаетъ путешественникъ,—довѣрью, которое имѣютъ инородцы къ честности ближняго“. Часто случается, что путешественникъ въ лѣсахъ Урала или въ тундрѣ встрѣчаетъ хижины, наполненные всякими припасами, и беретъ оттуда то, что ему нужно, оставляя взамѣнъ соответствующее количество денегъ. По замѣчанію Гофманна, это напоминаетъ „нѣмую“ (muto) торговлю, практиковавшуюся въ Югріи, по словамъ старинныхъ писателей.

П. Головачевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОДЪ РОДНОЙ КРОВЛЕЙ.

(ИЗЪ ЗАПИСОЕЪ СИБИРСКАГО СКИТАЛЬЦА).

Надрывается сердце отъ муки,
Плохо вѣрится въ силу добра,
Внемля въ мірѣ царящіе звуки...

Некрасовъ.

„Эвона и Безотрадскъ!“—сказалъ ямщикъ, указывая кнутомъ въ туманную даль. Безотрадскъ! Кому это слово пустой звукъ, географическій терминъ, все равно, что названія иныхъ городовъ, а мое сердце замерло при этомъ имени, а потомъ принялось усиленно стучать. Я порывисто привсталъ и разглядывалъ. Ямщикъ, должно полагать, уже не перваго такого нетерпѣливаго путника привозилъ сюда: онъ понималъ мое жгучее любопытство и старательно указывалъ концемъ бича прозрачно обрисовывавшіяся, легкіе, знакомые съ дѣтства, силуэты церквей; вотъ сквозь легкій утренній туманъ ярче блеснули купола, засверкали кой-гдѣ тучи... вотъ до насъ донесся протяжный, гулкій звонъ заутрени... Ямщикъ снялъ шапку и перекрестился, я сдѣлалъ то же, а въ душу такъ и вливался широкой и чистой волной этотъ знакомый звонъ, глаза застлала непрошенныя слезы...

Изъ роднаго города я уѣхалъ еще мальчикомъ со школьной скамейки. Положимъ, мои школьныя воспоминанія не особенно пріятны, но воспоминанія дѣтства рѣдко кому не сладки. Сколько дѣтскихъ чистыхъ радостей, сколько свѣтлыхъ минутъ позади!

Долго я путешествовалъ, т. е., собственно говоря, не путешествовалъ, а проходилъ тяжелую многотрудную школу жизни по маленькимъ городкамъ, по селамъ и деревнямъ; жительство у меня было всегда постоянное, но каждые свободные два—три дня я уходилъ или уѣзжалъ „поскитаться“, на мѣстѣ не сидѣлось.

Мои идеалы, мои розовыя мечты послѣ этого путешествія были совсѣмъ разбиты.

Дѣтство провелъ я баричемъ, не выучившись ничего для себя дѣлать и утративъ подлѣ заботливой опекой своихъ родителей всякую тѣнь самостоятельности и личной инициативы, ни на что самъ не рѣшался и, пріученный все получать готовымъ изъ чужихъ рукъ, думать чужой головой, смотрѣть на все чужими глазами,—я былъ совершенно безпомощнымъ и съ этой-то подготовкой вышелъ на эту тяжкую тернистую дорогу жизни и много горя и душевной ломки, горькихъ разочарованій вынесъ изъ своихъ скитаній.

Изъ роднаго города я уѣхалъ свѣжимъ семнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, съ горячей, безграничной вѣрой въ людей, а возвращался домой съ кой-гдѣ проглядывавшими сѣдыми волосами, обросшій бородой, съ значительно разстроеннымъ здоровьемъ, съ разбитыми надеждами, съ массой накопившаго горя и зла въ молодомъ еще сердцѣ; я возвращался, хорошо узнавъ на опытъ, что значить холодъ голодь, любовь и вѣрность друзей, честность людская. Я не пишу еще здѣсь многого и многого, что хотѣлъ бы написать... но суровая Немезида заслонила бы эти строки...

Раіонъ скитаній моихъ былъ не великъ, но за то я видѣлъ тамъ очень многое, и изъ этого многого отраднаго было очень мало.

Я видѣлъ деревню, которую когда-то, съ чужаго голоса, будучи мальчуганомъ, воспѣвалъ я въ смѣнныхъ виршахъ, плакалъ въ нихъ о горѣ „му ж и ч к о в ъ“, ихъ непосильномъ трудѣ. Мужиковъ я считалъ святыми ангелами, живущими между собой побратски, преступленія въ ихъ средѣ я, конечно, приписывалъ высокимъ страстямъ. Теперь я воочию увидалъ настоящую деревню и настоящаго мужика и познакомился покороче съ тѣмъ и другимъ, поживъ съ ними одной жизнью.

Условія этой жизни таковы: весь деревенскій міръ дѣлится на два враждебныхъ другъ другу лагеря: въ первомъ, торжествующемъ, находятся міроѣды и кулаки; во второмъ, униженномъ,—голытѣба, бѣдность. Эта бѣдность и не задается мыслью усмирить ненасытную алчность міроѣдовъ; каждый бѣднякъ мечтаетъ лишь о томъ, какъ бы попасть въ лагерь торжествующихъ...

И хотѣлъ я проклясть эту невѣжественную массу, эту „чернь не просвѣщенную“, неспособную понимать наши возвышенныя чувства и тому подобныя тонкости, но духовныя очи мои, не смотря на постоянное общеніе исключительно съ этой массой, при которомъ недостатки ея такъ рѣзко выдѣлись въ глаза, почему-то стали видѣть многое, что отъ нихъ было скрыто; сквозь тьму, опутывающую эту грубую массу, я увидалъ таинственную и замысловато-убійственную механику... и проклятія мои пали не на „чернь не просвѣщенную“... компрочкикасы вдвойнѣ прокляты: и за свои преступленія, и за проступки, невѣжество и косность этихъ ходящихъ во тьмѣ и не вѣдающихъ, что творять.

И поэтому-то я проникся странной и глубокой симпатіей къ этой „массѣ“,—симпатіей, не покидавшей меня, и въ тѣ минуты, когда мужикъ, поглощенный жаждой наживы, меня обманывалъ, я припоминалъ слова: „не вѣдаютъ бо, что творять“, и проклятія мои падали вовсе не на головы этихъ несчастныхъ обманутыхъ обманщиковъ.

Дѣло пошло такъ, что я изъ деревни долженъ былъ убраться и попасть въ малюсенькій-премалюсенькій городишко, гдѣ встрѣтилъ опять міроѣдовъ и кулаковъ,—только все это было крупнѣе и замысловатѣе.

Здѣсь была своя аристократія: чиновники и купцы; купцы почти все до одного были кабатчики. Люди этой партіи, не смотря на видимое взаимное дружелюбіе, ставили на каждомъ шагу другъ другу ногу; мелкое, пошлое самолюбие да нажива были главными двигателями жизни мѣстнаго общества, жившаго отчасти на европейскій манеръ. Все умственные и душевныя силы сосредоточены на этомъ.

Между людьми непривилегированнаго званія: мѣщанами, крестьянами и жившими въ городѣ казаками, существовало то же дѣленіе, какъ и въ деревнѣ,—на два лагеря, но борьба здѣсь была крупнѣе и горячѣе; казаки, наиболѣе процвѣтавшіе здѣсь, подъ непосредственнымъ покровительствомъ своихъ сильныхъ патроновъ-кабатчиковъ, играли большую роль въ этой роковой борьбѣ, давая однимъ средство къ эксплуатаціи и раззоряя и обозляя другихъ испорченнымъ алкоголемъ. Здѣсь въ борьбу вмѣшались люди покрупнѣе, и то, что въ деревнѣ считали ужаснымъ, здѣсь часто въ прежнее время, безъ особеннаго страха, практиковалось рыцарями наживы... Многое осталось безнаказаннымъ и перешло въ мѣстныя легенды, при разсказѣ которыхъ у нервнаго человѣка бѣгутъ подъ кожей мурашки и волосы становятся дыбомъ. А это все недавнія исторіи.

Въ городѣ мнѣ показалось еще болѣе жутко, нежели въ деревнѣ. Тамъ кулаки частенько слышатъ отъ своихъ противниковъ: „на, подавись, собака, похоронись на награбленныхъ“. Городское высшее кулачество было недостижимо; голосъ укора не доходилъ до большихъ ушей Мордуха Исаевича Шмелевича и Бонифата Бонифатьевича Брюханова; оба простерли свою власть до того, что первый считалъ для себя особеннымъ удовольствіемъ въ качествѣ директора тюремнаго комитета чуть не ежедневно оскорблять и выводить изъ терпѣнія маленькаго чиновника-смотрителя тюрьмы, а другой, въ качествѣ попечителя женской школы, доводитъ до слезъ своими сиволапными кучерскими выговорами несчастную начальницу школы. Здѣсь еще больше жадности у бѣдняковъ, потому что въ городѣ больше и соблазновъ; цѣлая толпа бѣдняковъ любитъ, какъ встрѣчаютъ новый годъ у Бонифата Бонифатьевича, какіе на стѣнахъ обои и картины, какое печенье разноситъ горничная, родственница Бонифата, какія кучи денегъ переходятъ по карточному столу... „Эхъ, кабы мнѣ такъ годокъ пожить“,—воскликаетъ иной бѣднякъ, полный зависти и злости, а въ душѣ еще сильнѣе, чѣмъ когда либо, скребется неутомимое желаніе „пожить“,—пожить во что бы то ни стало!... Бѣднякъ идетъ въ службу къ кабатчику перваго разряда и старается угодить, не разбирая средствъ. Угодивши, бѣднякъ получаетъ хорошее мѣсто цѣловальника въ богатой деревнѣ; рваная ситцевая рубаха замѣняется нарядной кумачевой, появляется солидное брюшко, прикрытое жилетомъ съ рубахой на выпускъ; бывшій Васька—Василій Савельичъ, онъ то же въ деревнѣ, что его патронъ въ городѣ. Къ нему дѣлаютъ визиты пріѣзжающіе въ деревню волостные члены, его слушается самъ старшина. Векоръ у него появляется хорошенькій домикъ, знакомство съ засѣдателемъ, а потомъ и съ исправникомъ; а тамъ, смотря, у Василья Савельича започевала проѣзжавшая „особа“ и милостиво съ нимъ бесѣдовала, а это ужъ много значить для деревни,—это хорошо понимаетъ Василій Савельичъ.

Василій Савельичъ быстро идетъ въ гору.

Василій Савельичъ на горѣ.

Въ городѣ меня, юношу, ужасно бѣсила эта самоувѣренная наглость крупныхъ міроѣдовъ, этотъ гнусный Бонифатка, недавній шуллеръ, цѣловальникъ и отчаянный плутъ, какихъ мало; гдѣ нибудь на экзаменѣ въ уѣздномъ или женскомъ училищѣ развалится погенеральски въ креслахъ, неуклюже играетъ ослѣпительнымъ брилліантомъ перстня, мальтретируетъ учителей, и эти бѣдные учительки уѣзднаго училища, истинные мученики своего дѣла, получающіе за громадный трудъ нищенское жалованье, терются и конфузятся передъ чванствующимъ ничтожествомъ, которое такъ хорошо знакомо съ директоромъ, директоръ даже прямо къ нему и заѣзжаетъ на квартиру, бывая въ Хламскѣ, а то, смотришь, Бонифатка создаетъ и свое какое нибудь учебное начальство изъ своихъ присныхъ „благородныхъ холуевъ“...

Дальше отсюда, дальше!

Изъ Хламска, гдѣ такъ душна нравственная атмосфера, я спѣшилъ въ родной Безотрадскѣ, гдѣ провелъ свое милое дѣтство, гдѣ проснулась и работаетъ свѣтлая человѣческая мысль, гдѣ я оставилъ школьныхъ товарищей, гдѣ

Ждутъ меня други и братья,
Гдѣ сердце привыкло любить.

Народились новыя надежды, ожило нѣсколько мое разбитое сердце. Я вновь надѣлся и вѣрилъ,—тѣмъ больше, что мнѣ такъ горячо хотѣлось надѣяться и вѣрить! Мой дневникъ, веденный въ Хламскѣ, я заключилъ словами: *Dahin, dahin, wo die Citronen blühen!*

И больно, и стыдно, и страшно вспомнить все, что пронеслось съ того утра по настоящую минуту надъ моею бѣдной головой! И такъ ужасно скоро!

Въ родномъ городѣ меня первыми встрѣтили близкіе и кровные, они искренно и горячо обняли своего горемыку-ски-тальца, они готовы были заколоть лучшую овцу для его пріема, они были рады видѣть его подъ родной кровлей... но когда пошли разпросы, у меня явилась невольная горячка, у меня невольно сорвалось съ языка то, о чемъ мнѣ не слѣдовало бы тутъ и говорить; рѣчь объ уродливыхъ условіяхъ жизни, о страшной братоубійственной борьбѣ за деньги, хлѣбъ и почести, хлынула неудержимымъ потокомъ, какъ долго задержанныя горячія слезы, которыя катились по моимъ блѣднымъ щекамъ... „Эхъ!—сорвалось у отца:—тебя-то вѣдь никто не задѣлъ; такъ шло, такъ будетъ идти, ты ничего не измѣнишь, и напрасно жизнь свою загубишь, насъ съ матерью убьешь; живи, какъ мы все живемъ, самъ будь честнымъ—и хорошо будетъ, другихъ не измѣнишь“. И слышались, и слышались старыя много разъ слышанныя пѣсни и захолодѣло мое на минуту разогрѣвшееся сердце. Я совсѣмъ было упалъ духомъ, если бѣ не ласка родимой, безъ упрековъ, съ однимъ горькимъ потокомъ горячихъ, жгучихъ слезъ, обильно оросившихъ горемычную голову сына, какъ благодатный дождь сожженную зноемъ степь.

Прошли дни, а во взглядѣ родимой,—взглядѣ, полномъ слезъ, я уже успѣлъ прочитать нѣмой укоръ за то, что ея дорогой сынъ портилъ свою судьбу изъ-за чужихъ совсѣмъ людей... Вышелъ я въ родимый городъ, новымъ онъ мнѣ казался и чуждымъ, нѣкоторое знаніе жизни и люди освѣтили мнѣ родной городъ инымъ, новымъ свѣтомъ. Три встрѣчи со школьными товарищами совсѣмъ надорвали душу: одинъ, кончивъ университетъ, сдѣлался „свѣтскимъ“ человѣкомъ, женился на дочери богача купца-эксплуататора, известнаго своей жадностью и дурнымъ отношеніемъ къ своимъ присковымъ служащимъ и рабочимъ. Женившись, мой товарищъ окончательнo сдѣлался важнымъ баринoмъ-карьеристомъ. Онъ ни съ кѣмъ изъ старыхъ товарищей не ведетъ знакомства, витая исключительно въ „высшихъ сферахъ“. Другой товарищъ, какъ сейчасъ вижу его еще школьникомъ—блѣдный, сухощавый, но, тѣмъ не менѣе, очень шаловливый съ веселыми, бойкими глазами,—теперь онъ встрѣтилъ меня въ мундирѣ помѣщика полицейскаго пристава, сильно пьяный, съ опухшимъ и подбитымъ лицомъ. Онъ со-

общилъ мнѣ, что провелъ бессонную ночь въ какомъ-то вертепѣ съ интендантскимъ чиновникомъ и какимъ-то „довѣреннымъ“, что поутру они кому-то „побили“ морды, разбили бутылкой зеркало и ушли...— „А ты, братъ, кажется, изъ этихъ,— сказалъ онъ, внезапно прервавъ свой рассказъ, замысловато повертѣвъ около носа пальцемъ и лукаво-ехидно улыбаясь:— смотри, мы этихъ не любимъ, потачки не дадимъ“,— и ушелъ, смѣясь наглѣмъ и угрожающимъ пьянымъ смѣхомъ. Третій—окончательно спился и погибъ, онъ нигдѣ не служилъ, писалъ въ кабакахъ просьбы, получая гонораръ натурой,— преимущественно водкой,— а былъ добрый товарищъ съ свѣтлой головой, съ прямымъ честнымъ характеромъ. Погибъ со-всѣмъ.

Сталъ я ходить, наблюдать и слушать.

Каждый день на душѣ становилось сумрачнѣй и сумрачнѣй... Набросалъ я разными штрихами, не мудрствуя лукаво, мои мысли, впечатлѣнія и думы и понесъ это туда, откуда исходилъ свѣтъ и честныя, свободныя, некупленные рѣчи... и ушелъ оттуда я совсѣмъ разбитый и уничтоженный, и теперь часто возникаетъ предо мною эта картина: лежитъ предо мной на столѣ масса раскрытыхъ поруганныхъ, уничтоженныхъ и искалѣченныхъ листовъ, на которыхъ тѣ, кому молчаніе было въ тягость, высказали свою душу, все, что на ней накипѣло, описали видѣнное и возмутившее ихъ.

„Вотъ вся наша исторія“,— горько звучалъ голосъ хорошаго человѣка, посѣдѣвшаго и сгорбившаго въ честной борьбѣ съ тьмой и угнетеньемъ.

„Гдѣ бы ни проявлялась высокая человѣчская мысль, всюду найдется для нея голгофа!“— вспомнилось мнѣ чье-то изрѣченіе.

— А про это и говорить нечего,— продолжалъ хорошій человѣкъ, указывая на мою тетрадь и возвращая ее мнѣ.

— И это органъ общественнаго мнѣнія, это нравственный контроль общества!— воскликнулъ я, указывая на пестрые листы, на эту умственную ниву, выбитую губительнымъ градомъ...

— Это ли еще, батюшка, бываетъ; вотъ полюбуйтесь!— и нервнымъ порывистымъ движеніемъ онъ указалъ на свои длинныя серебристыя пряди волосъ, падавшія на плечи.

— Вотъ какой иней на насъ посылаетъ судьба!— сказала онъ просто, но за этими словами скрыта была ужасная драма борьбы слабого свѣта съ торжествующей тьмой.

Городъ принималъ въ глазахъ моихъ видъ громаднаго, грязнаго моря; грозныя и грязныя волны на моихъ глазахъ дѣлались все больше и страшнѣе... нѣсколько человѣкъ, сплотившись во имя правды и добра, представляли островъ, на который со всѣхъ сторонъ налетали злыя волны, силясь уничтожить этотъ маленький островокъ, и усилія ихъ были не напрасны: онъ сносили то часть берега, то подмывали кустъ, стоявшій на окраинѣ. Деревня и городокъ, сравнительно съ Безотрадскомъ, были „оазисы въ пустынѣ“; здѣсь была главная арена борьбы, здѣсь были ключи и главныя пружины той механики, которую я разглядѣлъ въ деревнѣ... И ревѣло, и бурлило день и ночь сильнѣе это страшное море, его гигантскія волны сшибали съ ногъ массы людей; шла борьба, но страшная стихія, превосходящая своей силой, побѣждала и захлестывала...

Шли дни, недѣли, мѣсяцы и годы; меня то бросало по волнамъ, то тащило по дну, какая-то невидимая связь съ островкомъ не давала мнѣ потонуть, и, наконецъ, я снова на берегу. Пережитое оставило тяжкій слѣдъ на мнѣ, научивъ глубоко чтить этотъ маленький, но крѣпкій своей нравственной силой и вліяніемъ островокъ...

Работа островитянъ уже внесла много свѣта и правды въ жизнь; ихъ девизъ: свѣтъ, человѣчность, справедливость, правосудіе и добро. Эта честная работа даетъ свѣтлые результаты, исправляя тѣхъ, кто можетъ исправиться, она пугаетъ тѣхъ, кто несправимъ; тѣ, которые пакостили, не боясь ровно ничего, теперь боятся прямого и честнаго голоса островитянъ, стараюсь показать,

что они презираютъ этихъ островитянъ и игнорируютъ ихъ работу.

Можетъ быть, это покажется многимъ бредомъ,—пусть! Но найдутся такіе, что поймутъ. Это страшный бредъ, въ которомъ человѣкъ погибалъ, тонулъ, выбиваясь изъ силъ, но чудная, великая сила помогла ему въ тяжкія минуты.

Закончу мое писанье строками, вырвавшимися изъ самаго завѣтнаго уголка моего сердца еще въ то время, когда я былъ во власти волнъ:

Огонь на жертвенникѣ старомъ
Все не погасъ, онъ все горитъ
И не напрасно жгучимъ жаромъ
Мое онъ сердце пепелитъ,
Оно страдаетъ—и горитъ,
Какъ жертва... но предъ Богомъ старымъ!..

Ивн. Ангарскій.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Управляющій російскимъ консульствомъ въ Русукѣ передалъ министру иностранныхъ дѣлъ 18-го сего августа лично врученную ему княземъ Александромъ Болгарскимъ на имя Государя Императора слѣдующую телеграмму: „Ваше Величество! Вновь взявъ въ свои руки управленіе моею страной, осмѣливаюсь представить Вашему Императорскому Величеству выраженіе моей почтительнѣйшей признательности за то, что представитель Вашего Императорскаго Величества въ Русукѣ своимъ официальнымъ присутствіемъ на моемъ приемѣ обнаружилъ предъ болгарскимъ народомъ, что Императорское правительство не можетъ одобрить направленного противъ моей особы революціоннаго акта; въ то же время испрашиваю соизволенія повергнуть предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ мою благодарность за посылку генерала, князя Долгорукова, съ чрезвычайнымъ порученіемъ отъ Вашего Императорскаго Величества, такъ какъ, принявъ вновь законную власть, я считаю первымъ моимъ долгомъ заявить Вашему Императорскому Величеству о моемъ твердомъ намѣреніи принять на себя всѣ жертвы, дабы способствовать великодушному нацѣренію Вашего Императорскаго Величества, вывести Болгарію изъ тяжкаго кризиса, который она переживаетъ. Прошу Ваше Императорское Величество разрѣшить князю Долгорукову войти непосредственно и какъ можно скорѣе со мной въ соглашеніе. Я буду счастливъ представить Вашему Императорскому Величеству окончательное доказательство моей неизмѣнной преданности Августѣйшей Особѣ Вашей. Монархическій принципъ вынудилъ меня возстановить законность въ Болгаріи и Румелии; Россія даровала мнѣ мою корону, и эту корону я готовъ вручить ея Монарху“. На изложенную выше телеграмму Его Императорскому Величеству благоудно было отвѣтить слѣдующею телеграммою: „Не могу одобрить возвращенія Вашего въ Болгарію. Предвидя злополучныя послѣдствія для страны, уже подвергшейся столь тяжкимъ испытаніямъ, миссія князя Долгорукова становится несвоевременной. Я буду воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ печальное положеніе дѣлъ, до котораго доведена Болгарія, пока Вы будете тамъ оставаться. Вашему Высочеству предстоитъ рѣшить, что Вамъ надлежитъ дѣлать. Предоставляю Себѣ судить о томъ, къ чему обязываютъ Меня чтимаая Мной память Моего Родителя, интересы Россіи и миръ на Востока“.

22-го августа, въ 11 часовъ утра, князь Александръ совершилъ торжественный въѣздъ въ Софію, но, повидимому, только для того, чтобы торжественно отречься отъ престола. Дипломатическіе агенты Россіи и Германіи не присутствовали при приемѣ князя. Въ вѣскія газеты телеграфируютъ нынѣ изъ Софіи, что принцъ Баттенбергъ рѣшился отказаться отъ престола, даже въ томъ случаѣ, если бы народное собраніе вновь избрало его въ правители княжества. Если принцъ дѣйствительно принялъ такое рѣшеніе (хотя и вынужденное обстоятельствами и далеко не добровольное), то Болгарія должна быть признательна ему, такъ какъ такую уступчивость онъ избавляетъ

ее отъ междоусобій и смуть. „Агентству Рейтера“ телеграфируютъ изъ Софіи, что 22-го же августа князь Александръ, обратившись съ рѣчью къ офицерамъ, заявилъ имъ въ трогательныхъ выраженіяхъ о своемъ намѣреніи отречься отъ престола, такъ какъ русскій Императоръ желаетъ, чтобы онъ выѣхалъ изъ Болгаріи, въ интересахъ этой страны. Князь прибавилъ, что передъ отъѣздомъ онъ учредитъ совѣтъ регентства.

— Политика англійскаго кабинета, по словамъ „Köln. Zeitung“, стремится къ тому, чтобы постепенно замѣнить Оттоманскую имперію группою самостоятельныхъ государствъ, которыя должны служить вѣчнымъ яблокомъ раздора между Россіей и Австріей. Англія желаетъ, чтобы громадныя арміи континентальной Европы, штыки которой постоянно угрожаютъ Англій и Индіи, боролись между собою. Этими Англія думаетъ парализовать Россію, занять ея силы въ Центральной Европѣ и отвлечь ея вниманіе отъ Средней Азій. До сихъ поръ эта макіавелістская политика сопровождалась успѣхомъ, но теперь усилія британской дипломатіи не встрѣчаютъ болѣе прежней поддержки. Англія озабочена и ирландскимъ вопросомъ, принимающимъ все болѣе угрожающій характеръ. До сихъ поръ ирландцы все еще надѣялись, что соединеннымъ парлелитамъ, вигамъ и либеральнымъ диссидентамъ удастся низвергнуть торійское министерство Салисбюри. Но Чемберленъ, глава радикаловъ и диссидентовъ, самымъ категорическимъ образомъ заявилъ въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій парламента, что онъ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, считаетъ долгомъ объявить, что ничѣмъ не будетъ содѣйствовать низверженію нынѣшняго кабинета, пока министерство, которое должно замѣнить его, будетъ держать идеи дарованія Ирландіи самостоятельнаго парламента, что онъ считаетъ несовмѣстнымъ съ интересами имперіи. Такимъ образомъ, Гладстону дано знать, что онъ можетъ рассчитывать на возстановленіе власти только въ томъ случаѣ, если онъ откажется отъ home-rule и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ирландцамъ заявлено, что они не въ правѣ рассчитывать на осуществленіе своихъ грезъ. Понятно, что волненіе въ Ирландіи усиливается. Аграрныя преступленія опять стали учащаться, и правительство вынуждено будетъ прибѣгнуть къ репрессивнымъ мѣрамъ.

— Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Гирсъ, послѣ состоявшагося бракосочетанія своей дочери, отправляясь изъ Франценебада въ Петербургъ, остановился на два дня въ Берлинѣ, гдѣ 22-го августа онъ былъ принятъ послѣ полудня кронпринцемъ, а потомъ и императоромъ.

— „Агентству Рейтера“ телеграфируютъ изъ Юкагами: „Изъ Кореи сообщаютъ, что китайскій посланникъ, въ виду слуховъ о желаніи Россіи объявить протекторатъ надъ Кореей, потребовалъ присылки китайскихъ войскъ. Вслѣдствіе этого требованія въ Сеулѣ прибыли девять китайскихъ кораблей, съ значительнымъ отрядомъ солдатъ, переодѣтыхъ купцами. Въ Сеулѣ замѣчается сильное возбужденіе“. Въ послѣднее время, благодаря усердію англійскихъ агентовъ, дѣйствительно, слухи о русскомъ протекторатѣ сдѣлались до того настойчивыми, что китайскій посланникъ въ Корей счелъ себя вынужденнымъ потребовать по телеграфу немедленной высылки войскъ, вслѣдствіе чего въ корейскія воды и прибыло 9 китайскихъ военныхъ кораблей съ значительными военными силами. Словомъ, китайское правительство заявляетъ о своей твердой рѣшимости не дозволить ни Россіи, ни Англій овладѣть Кореею. По словамъ нѣмецкихъ газетъ, очевидно, хорошо знакомыхъ съ закулисною стороною корейскаго вопроса, пекинское правительство находитъ настоящій моментъ удобнымъ для того, чтобы выступить противъ русскихъ притязаній на Корею потому, что Россія находится теперь накануне если не большой войны, то большихъ затрудненій, которыя лишатъ ее возможности съ достаточною энергіею заботиться объ охранѣ своихъ интересовъ въ Тихомъ океанѣ.

— Изъ Парижа пишутъ отъ 16-го августа въ „Indépendance Belge“, что происходившій совѣтъ министровъ былъ посвященъ очереднымъ вопросамъ, между прочимъ, разсмотрѣнію положенія Франціи по отношенію къ папству, каковое положеніе, повидимому, довольно критическое. Что касается до болгарскихъ замѣшательствъ, то рѣшено, что французская дипломатія будетъ только слѣдить за событіями по мѣрѣ ихъ развитія, не принимая сторону ни за, ни противъ враговъ князя.

— Телеграммы изъ Нью-Йорка извѣщаютъ, что 20-го августа улицы Чарльстона были загромождены домами, обрушившимися отъ землетрясенія. Сообщаютъ, что убито 60 человекъ. За обрушеніемъ послѣдовало нѣсколько пожаровъ. Населеніе поражено паникой. Все побережье Алабамы и Нью-Йорка ощутило сильное землетрясеніе. Особенно сильно было оно въ Вашингтонѣ, Саваннѣ, Ричмондѣ, Августѣ и Ралеѣ.

— По официальнымъ свѣдѣніямъ, во время землетрясенія въ Греціи погибло 166 человекъ, ранено 500. Убытки простираются до нѣсколькихъ милліоновъ.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— 22-го августа, Его Императорское Величество Государь Императоръ изволилъ выѣхать въ Сергіевскую Пустынь, гдѣ присутствовалъ на погребеніи тѣла скончавшагося лейбъ-медика Карелля.

— Саратовская торговая депутація вошла надняхъ въ министерство путей сообщенія съ ходатайствомъ о принятіи скорѣйшихъ мѣръ къ углубленію фарватера рѣки Волги, о пониженіи желѣзно-дорожнаго тарифа на провозъ по тамбовско-саратовской желѣзной дорогѣ хлѣбныхъ грузовъ до Петербурга и Москвы и объ уравненіи его съ тарифами другихъ желѣзныхъ дорогъ и о продолженіи желѣзной дороги отъ Саратова на Уральскъ.

— Вслѣдствіе закрытія порто-франко торговля въ Батумѣ замѣтно падаетъ, такъ что нѣкоторые изъ болѣе крупныхъ купцовъ, по словамъ „Кавказа“, подумываютъ перевести свою дѣятельность въ другіе города и, между прочимъ, въ Тифлисъ.

— 16-го августа, къ Петербургскому порту прибыло первое поморское судно „Святой Владиміръ“ (шкиперъ Вязминъ) съ грузомъ трески и палтусины улова нынѣшняго года. Переходъ отъ Мурманскаго берега до Кронштадта шкуна „Святой Владиміръ“ совершила въ тридцать пять дней. На шкунѣ доставлено до 6,000 пудовъ рыбы. Надняхъ ожидается прибытіе въ Петербургъ съ Мурманскаго берега еще нѣсколькихъ судовъ, въ томъ числѣ и принадлежащихъ товариществу „Рыбакъ“.

— Въ Одессѣ, какъ видно изъ мѣстныхъ газетъ, уже нѣсколько дней продолжается стачка гаванскихъ рабочихъ при выгрузкѣ угля съ англійскихъ пароходовъ. Участники стачки нападаютъ на рабочихъ, согласившихся работать за предлагаемую нанимателями плату. Вслѣдствіе этого плата повысилась до двухъ рублей въ день.

— 20-го августа кончились пріемные экзамены въ Петербургскомъ технологическомъ институтѣ. По рѣшенію совѣта, состоявшагося 21-го августа, на первый курсъ принято 160 человекъ изъ 439 державшихъ экзаменъ, т. е. около 36,5 процентовъ всего числа. Нельзя не замѣтить, что вакансій было всего 120, но директоръ института прибавилъ еще 40. Число державшихъ экзаменъ значительно меньше, сравнительно съ прошлыми годами.

— Число поступившихъ въ нынѣшнемъ году въ Московскій университетъ уменьшилось сравнительно съ прошлогоднимъ до 200 человекъ, причемъ уменьшеніе падаетъ преимущественно на юридическій факультетъ.

— „Ревельская Газета“ сообщаетъ, что совѣтъ Дерптскаго университета готовится свое заключеніе по вопросу о распространеніи на этотъ университетъ общаго университетскаго устава. Въ университетскихъ сферахъ надѣются, что уставъ будетъ примѣненъ къ Дерптскому университету съ значительными измѣненіями.

— Окончившая годъ тому назадъ въ Цюрихѣ курсъ фармацевтическихъ наукъ, полька Юзефа Вѣганьская получила, по словамъ „Новостей“, разрѣшеніе медицинскаго департамента экзаменоваться на званіе провизора. Экзаменъ она будетъ держать при университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ.

— Іоанна Фохтъ, кончивъ курсъ фармаціи въ Антверпенѣ, обращается въ медицинскій департаментъ съ ходатайствомъ о допущеніи ея къ переэкзаменовкѣ въ одномъ изъ нашихъ университетовъ и затѣмъ, къ аптекарской практикѣ, въ качествѣ провизора. До сихъ поръ женщинъ-аптекарей у насъ еще не было.

— Нѣмецкое химическое Общество въ Берлинѣ выбрало въ экстраординарные члены двухъ женщинъ.—одну русскую, г-жу Фомину, работавшую въ Женевѣ, и одну американку, г-жу Hegler.

— „Псковскій Городской Листокъ“ сообщаетъ о первомъ въ Россіи случаѣ сопровожденія казенной и денежной почты лицомъ женскаго пола. Надняхъ изъ Пскова въ Дерптъ была отправлена почта въ сопровожденіи женщины-телеграфиста, которая и возвратилась благополучно съ казенной почтой, переданной ей въ Дерптъ.

— Книжный магазинъ Бирюковыхъ получилъ, какъ говорить „Южный Край“, извѣщеніе отъ издательницы сочиненій графа Л. Н. Толстаго, что двѣнадцатый томъ этихъ сочиненій, до сихъ поръ не продававшійся отдѣльно, будетъ въ непродолжительномъ времени отпечатанъ вновь для отдѣльной продажи.

— Статья г. Коховскаго „Областные педагогическіе и народныя музеи“, напечатанная въ „Педагогическомъ Сборникѣ“, издана нынѣ отдѣльной брошюрой. Авторъ, указывая на учреждаемый въ Екатеринбургѣ попеченіемъ мѣстнаго земства педагогическій музей для сельскихъ учителей, обращаетъ вниманіе на это, какъ на первую серьезную попытку земства облегчить сельскимъ учителямъ знакомство со всѣмъ тѣмъ, что по цѣли изданія и производства направлено къ усовершенствованію обученія и воспитанія въ первоначальной школѣ, и рекомендуетъ учрежденіе областныхъ педагогическихъ музеевъ, которые могли бы еще и содѣйствовать распространенію средствъ для народнаго воспитанія, удешевленію учебныхъ пособій и освобожденію семей и школъ отъ ошибокъ въ выборѣ нужныхъ имъ пособій. Къ брошюрѣ приложенъ каталогъ, предполагаемый для областного педагогическаго музея.

— „Саратовскій Дневникъ“ замѣчаетъ: „Въ мѣстной печати и обществѣ давно уже раздаются жалобы на недостатокъ у насъ начальныхъ школъ въ деревняхъ; во всемъ обвиняютъ земство, которое дѣйствительно скупится расходами на дѣло народнаго образованія, но при этомъ почему-то совсѣмъ игнорируется отсутствіе у насъ въ этомъ дѣлѣ частной инициативы. Мы, напримѣръ, знаемъ, что въ Самарской губерніи, на ряду съ земскими школами, существуетъ не меньшее число и частныхъ, дѣло въ которыхъ идетъ довольно успѣшно. Почему бы ищущей работы у насъ интеллигенціи не заняться этимъ же и въ нашей губерніи? Работа нашлась бы и работа честная, производительная, которая къ тому же даетъ средства для существованія многимъ изъ интеллигенціи“.

— Той же газетѣ сообщаютъ, что проживающими въ Саратовѣ въ настоящее время воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній 28-го августа устраивается вокально-музыкальный вечеръ, сборъ съ котораго пойдетъ въ пользу „Общества пособия молодымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію“.

— Въ Перми, по словамъ „Волжскаго Вѣстника“, тоже состоялся любительскій спектакль въ пользу несостоятельныхъ студентовъ-пермяковъ, учащихся въ Петербургскомъ университетѣ. Залъ былъ биткомъ набитъ, былъ г. начальникъ губерніи, представители высшаго желѣзнодорожнаго и городского кружка, и сборъ долженъ быть сравнительно значительный. Пусть бы провинціальныя города почаще вспоминали своихъ нуждающихся дѣтей въ столицахъ.

— 17-го августа состоялось открытіе казанской ремесленной и сельско-хозяйственной выставки, которая представляется первымъ серьезнымъ починомъ въ дѣлѣ организаціи областныхъ выставокъ, громадное сниспѣшествующее влияніе которыхъ на развитіе и прогрессъ промышленности въ данномъ краѣ уже давно поставлено внѣ всякаго сомнѣнія. Съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ „Волжскій Вѣстникъ“ присутствіе на выставкѣ довольно обширнаго отдѣла кустарной промышленности, съ экспонатами Воткинской артели кустарей во главѣ. Произведенія этого вида промышленности, которому, при правильной постановкѣ его на артельныхъ началахъ, предстоитъ блестящая будущность и значеніе могущественнаго рычага въ дѣлѣ поднятія падающаго экономическаго благосостоянія народныхъ массъ,—несомнѣнно заинтересуютъ собою всякаго развитаго посѣтителя выставки. Пароходства Зевеке и Курбатова представили бесплатный проѣздъ для крестьянъ-кустарей, какъ пишутъ „Русскія Вѣдомости“. Для экспонентовъ и депутатовъ на выставку повиненъ платъ сдѣлано нѣкоторыми казанскими гостиницами и номерами. Частная инициатива откликнулась и къ организаціи публичныхъ лекцій, техническихъ бесѣдъ и правильныхъ осмотровъ

выставки; редакціей „Волжскаго Вѣстника“ устроены бесплатныя кабинеты для чтенія. Изъ предполагаемыхъ къ прочтенію лекцій мы упомянемъ: „О регулированіи Волги и о гаваняхъ на ней“, П. Августовскаго; „О ремесленномъ образованіи“, П. Андреева и Р. Руша; „О значеніи мѣстныхъ музеевъ въ дѣлѣ распространенія ремесленнаго образованія“, А. Орлова; „Исторія искусства“, Руша; „Русская изба въ гигиеническомъ отношеніи и прогрессъ ея въ будущемъ“, Пашковскаго; объ электричествѣ, о мѣстномъ цементѣ, о пчеловодствѣ, о цвѣтоводствѣ, о книгопечатаніи и прочее, и прочее. Во время выставки для публики будетъ бесплатно открытъ этнографическій музей университета, гдѣ въ праздничныя дни хранитель его, г. Траубенбергъ, будетъ руководить осмотромъ и давать разъясненія публикѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

САМОУЧИТЕЛЬ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ.

(Метода Гусэна и Лангешейдта).

КУРСЪ I.

Основательное изученіе французскаго языка безъ помощи учителя. Никакой предварительной подготовки отъ учащагося не требуется: нужно только умѣть правильно читать порусски. При добросовѣстномъ исполненіи всѣхъ предписаній и указаній авторовъ, умѣние читать, писать и правильно говорить пофранцузски приобретается, сравнительно, скоро.

Подписка, съ самою льготною разсрочкой, принимается въ складахъ изданія: въ мастерской учебныхъ пособій (С.-Петербургъ, Троицкій пер., 11) и въ складѣ В. А. Березовскаго (С.-Петербургъ, Колокольная, № 14). Пробный выпускъ «Самоучителя», для желающихъ предварительно ознакомиться съ методой, продается за 50 коп.

Подписная цѣна за I курсъ (18 выпусковъ) 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Условія разсрочки указаны въ 1-мъ выпускѣ.

Волшебныя фонари, простыя и механическія картины къ нимъ собственнаго производства мастерской.

С.-Петербургъ, Троицкій пер., № 11.

— Поставщики ВЫСОЧАЙШЕ учрежденной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Постоянной Комиссіи Народныхъ Чтеній.

— Мастерскою изготовлены спеціально-театральныя волшебныя фонари для ИМПЕРАТОРСКИХЪ С.-Петербургскихъ и Московск. театровъ, съ драммондовымъ и электрическимъ свѣщеніемъ.

— Спеціальный иллюстрированный (№ 5) Каталогъ волшебныхъ фонарей, полiorамъ и всѣхъ принадлежностей къ нимъ для устройства народныхъ и солдатскихъ читаленъ, а также юмористическихъ, механическихъ, полiorамныхъ и научныхъ картинъ и картинъ къ народнымъ чтеніямъ (до 4,000 №№) со спискомъ народныхъ чтеній высылается за почтов. марки на 21 коп.

— Практическое руководство къ употребленію волшебнаго фонаря и принадлежностей къ нему. Составилъ А. К. ЕРЖЕМСКІЙ,

дѣйствительный членъ Московскаго и Петербургскаго Коммисіонерства народныхъ чтеній.

Съ 31 рисунк. въ текствѣ. Цѣна 50 коп., съ перес. 60 коп.

— Полное устройство вечеровъ съ показываніемъ картинъ волшебнаго фонаря въ общественныхъ учрежденіяхъ и частныхъ домахъ по условію.

— Прейсъ-курантъ объ играхъ, занятіяхъ, игрушкахъ, забавахъ и объ учебныхъ пособіяхъ высылается за почтов. марки на 3 коп.